

Джорджетт Хейер

Убийство Адама Пенхаллоу

*Часть сборника
Шаги в темноте. Убийство
Адама Пенхаллоу (сборник)*

Джорджетт Хейер
Убийство Адама Пенхаллоу

«АСТ»

1942

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Хейер Д.

Убийство Адама Пенхаллоу / Д. Хейер — «АСТ», 1942

То, что Адама Пенхаллоу убили, а точнее отравили, не удивило никого. Удивительно скорее было то, что этот язвительный богач с дурным характером, получавший истинное наслаждение от издевательств над родственниками, знакомыми и прислугой, вообще дожил до старости. Именно поэтому под подозрением оказывается все окружение жертвы. Но как найти среди более чем дюжины подозреваемых, у каждого из которых имелся и мотив, и возможность совершить преступление, настоящего убийцу?

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Хейер Д., 1942
© АСТ, 1942

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	30
Глава 5	36
Глава 6	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Джорджет Хейер

Убийство Адама Пенхаллоу

Georgette Heyer
PENHALLOW

Печатается с разрешения наследников автора и литературного агентства The Buckman Agency.

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Georgette Rougier, 1942

© Перевод. Н. С. Ломанова, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Джорджет Хейер – родоначальница популярного жанра «любовный роман в стиле эпохи Регентства», автор историко-приключенческих произведений, писательница, чьи книги в XXI веке переживают второе рождение. Она обращалась к криминальному жанру не так уж часто, однако ее книгами восхищалась Агата Кристи и они считаются классическими образцами английского детектива.

Превосходные детективы, в которых увлекательный сюжет соседствует с тонким юмором!

«*New York Times*»

Читать романы Джорджет Хейер – настоящее удовольствие!

Дороти Л. Сэйерс

Это человек, для которого смерть не страшнее пьяного сна. Он ко всему равнодушен, беззаботен, бесстрашен, не думает ни о прошлом, ни о будущем, совершенно равнодушен к смерти, хотя безнадежно обречен на смерть.

У. Шекспир. «Мера за меру»; акт IV, сцена 2.

Перевод Т. Щепкиной-Куперник

Глава 1

Джимми чистил ботинки на каменном полу комнаты, выходящей окнами на вымощенный плитами двор, за которым теснились хозяйственные постройки и зеленел небольшой загон, куда Рэймонд выпускал молодняк. Прямо за ним начинался подъем к реке Мур, скрытой от безразличного взгляда Джимми густым утренним туманом.

Просторная комната, где он так усердно трудился, заросла грязью и пропахла керосином, ваксой и плесенью. На столе у стены были расставлены керосиновые лампы, но на них Джимми старался не смотреть. Заправлять и чистить лампы входило в круг его обязанностей, но у Джимми возня с ними вызывала стойкое отвращение, и он даже не притрагивался к ним. Поэтому Рубену Лэннеру пришлось привлечь к этому занятию одну из служанок, та протирала у ламп стекла, наливала в них керосин и обрезала фитили, неизменно ворча по поводу нерадивости Джимми. Критиковать хозяина дома, мистера Пенхаллоу, который из какой-то странной прихоти не провел в Тревеллин электричество, она, однако, не решалась.

Под окнами тянулась длинная полка с ботинками и туфлями, ждущими, когда на них наведут глянец. Там же стояли баночки с ваксой и цветным гуталином в окружении многочисленных щеток и суконок.

Повозив щеткой в одной из жестянок, Джимми с видом ценителя, делающего непростой выбор, выхватил из обувного ряда изрядно поношенные черные туфли на низком каблучке, принадлежавшие Кларе Гастингс, и стал неторопливо размазывать по ним ваксу. Делал он это без энтузиазма, но вполне добросовестно, поскольку миссис Гастингс вызывала у него симпатию. Столь же старательно Джимми обычно чистил штиблеты Рэймонда и высокие сапоги Барта, однако в этом случае им двигали не теплые чувства, а скорее печальный опыт. Он отлично знал, что сыновья Пенхаллоу вытянут его кнутом по спине, если сделает что-нибудь не так – оставит на подметке хоть частицу грязи или начистит коричневые ботинки щеткой для черных.

От долгой носки туфли Клары Гастингс скосбочились, потрескались, а местами протерлись насквозь. Это были широкие неуклюжие башмаки, под стать своей хозяйке. Она из года в год носила одни и те же мешковатые платья и длинные обвисшие юбки с неровным подолом, на который собирала всю грязь с клумб и нечищенных дворов. Вивьен Пенхаллоу как-то заметила, что тетушка Клара ассоциируется у нее с рваными карманами, мятыми фланелевыми блузками, золотыми побрякушками и клоками желтоватых волос, с которыми бесильны совладать многочисленные шпильки. Описание было безжалостно точным, однако оно вряд ли задело бы Клару, даже если бы достигло ее ушей. В шестьдесят три года она уже давно была вдовой и жила у Пенхаллоу на правах приживалки, ограничив свои жизненные интересы лишь конюшней и разведением папоротников. Клара оставалась совершенно равнодушной к домашним склокам и кипению страстей, превращавших жизнь в поместье Тревеллин в сущий ад для нервных и чувствительных натур.

Джимми, не склонный подвергать критике плачевное состояние обуви Клары Гастингс, сделал все, что мог, и отложил туфли в сторону. Вообще-то он был ее племянником, хотя и не по закону, а по крови, но она этого не признавала, а он не настаивал. Родственные отношения не слишком занимали Джимми, он даже гордился своим положением незаконно-рожденного. Клара воспринимала его пребывание в Тревеллине без особых эмоций и относилась к нему как к слуге, которым он, в сущности, и являлся. Отцовство Пенхаллоу было упомянуто лишь однажды, когда она заметила, что в доме просто не останется свободного места, если он будет селить туда всех своих внебрачных детей. Законные отпрыски Пенхаллоу, чья грубоватость и бесцеремонность даже после двадцати лет совместной жизни заставляла их мачеху морщиться и заливаться краской, не скрывали своего отношения к потен-

циальному родственнику, дав ему прозвище Ублюдок Джимми. За исключением Ингрэма, второго сына Пенхаллоу, который после женитьбы жил в Дауэр-Хаусе и виделся с Джимми редко, молодое поколение его не любило, правда, по разным причинам. Юджин жаловался на его дерзость, Чармин была уверена, что он нечист на руку, у Обри вызывал брезгливое отвращение его неряшливый вид, близнецы Бартоломью и Конрад упрекали Джимми за лень, а Рэймонд, старший сын Пенхаллоу, испытывал к нему просто животную ненависть, которая, впрочем, никак не выражалась внешне. Джимми отвечал ему тем же, но молча. Если бы у него хватило духу, он бы просто не стал чистить его ботинки. Но на такую дерзость Джимми пока не решался. Не исключено, что Пенхаллоу по-своему любил внебрачного сына, но если бы того поколотили, он был бы только рад. Своих законных отпрысков Пенхаллоу в детстве лупил нещадно, причем не ради их примерного поведения, а чтобы утвердить над ними деспотическую власть. И хотя подагра, осложненная водянкой, лишила его бычьей фигурой былой силы и подвижности, злобный нрав нисколько не смягчился. Он прожил жизнь в грубости, невоздержанности и жестокости, презирая доброту и не испытывая жалости к слабым; сейчас тело одряхлело, но душа была по-прежнему черства и не способна к состраданию. Пенхаллоу не скрывал симпатии к побочному сыну, однако никто, и в первую очередь сам Джимми, не понимал, что им движет – живое чувство или вздорное желание уязвить свое законное потомство.

На полке оставалось еще восемь пар обуви. Джимми посмотрел на длинный ряд. Там были элегантные лаковые ботинки Юджина, остроносые и на тонкой подошве, рядом с ними стояли изящные уличные туфли, принадлежавшие его жене Вивьен. Далее следовали крепкие штиблеты Рэймонда с толстыми гамашами, сапоги для верховой езды братьев-близнецов и пара потрескавшихся черных ботинок Рубена Лэннера, который жил и работал в Тревеллине так давно, что даже Клара не помнила, когда он там появился. Себя он всегда именовал дворецким мистера Пенхаллоу. Джимми недолюбливал Рубена, однако не мог не считаться с его особым положением в доме и исправно чистил ему обувь. Последними стояли дешевые модные туфельки на высоких каблуках, при виде которых Джимми недовольно насупился. Выхватив туфли из общего ряда, он пренебрежительно засунул их под полку. Они принадлежали Лавди Тревизин, горничной миссис Пенхаллоу, а эта пронырливая кошка не дожидается, чтобы он чистил ей обувь, нет уж, увольте! Нахалка, каких мало, умеющая напускать на себя скромность, ходить тихоней и говорить как благородная, стреляя во все стороны глазами из-под длиннющих ресниц. Она приходилась племянницей Рубену и свою карьеру в Тревеллине начинала в кухне, девчонкой на подхвате, как и прочие служанки без определенного круга обязанностей. И если бы миссис Пенхаллоу, которой Лавди почему-то приглянулась, не определила ее в горничные при своей особе, то вряд ли нахваталась бы хороших манер и не забивала бы себе голову фантазиями, забыв, что она девица из низов.

Джимми в сердцах пнул ее туфли. Ему все про нее известно! Он видел, как она обжималась и целовалась с Бартом, вообразив, будто они одни. Жаловаться на Джимми Лавди не посмеет даже своей хозяйке, опасаясь, что тот в отместку настучит хозяину, рассказав, чем она так опрометчиво похвасталась. Пенхаллоу наплевать на амурные похождения сына, он и сам никогда не упускал случая облапить девчонку, но стоит ему пронюхать, что дело идет к браку, то-то перья полетят от этой курицы! Нет, пока Джимми помолчит, но если эта фифа станет слишком важничать, он может ненароком и проболтаться.

Покончив с башмаками Вивьен, Джимми возвратил их на полку. Он был о ней не слишком высокого мнения. Жена Юджина была чужачкой, не знавшей корнуоллских обычаев и не желавшей вписываться в местную жизнь. Вивьен не скрывала, что терпеть не может Тревеллин. Взяв ботинок Юджина, Джимми с ухмылкой плюнул на его блестящий лак, и в голове у него мелькнула мысль, что супружнице вряд ли удастся сдвинуть его с насиженного места, бейся она хоть до Судного дня. Джимми откровенно презирал Юджина, тридцатипя-

тилетнего ипохондрика, вечно жаловавшегося на сквозняки и свою слабую грудь. Вивьен он тоже презирал, но с изрядной долей сочувствия. Не мог понять, что такого она находит в Юджине, чтобы так нянькаться с ним. Вивьен ведь была женщиной с характером, не то что забитая миссис Пенхаллоу, к которой все семейство относилось как к пустому месту, позволяя себе любые выходки. А жена Юджина могла дать отпор самому мистеру Пенхаллоу и отчитать его, как настоящая мегера, когда он, лежа на своей огромной кровати, издевался и дразнил ее, приводя своими речами в неистовство. Говорил, что она шикарная кошка, хоть и не может отличить жеребца от кобылы и не нашла ничего умнее, чем выйти замуж за такого мозгляка, как Юджин.

Джимми переключился на сапоги Барта, они предназначались для верховой езды, но несли на себе следы его прогулок по ферме. Барт, для которого прочитать книгу было форменным наказанием, а написать письмо – равносильно подвигу Геракла, намеревался стать фермером. Джимми был уверен, что Барт мечтает поселиться на ферме Треллик с этой штучкой Лавди. Ферму эту Пенхаллоу действительно отписал Барту, но если тот женится на своей зазнобе, не видать ему ее как своих ушей! Мозгов у него маловато, не то что у Конрада, его брата-близнеца, хотя в этой парочке всегда верховодил бесшабашный Барт, заставляя брата подражать ему во всем. Они были младшими детьми от первого брака Пенхаллоу и к двадцати пяти годам сумели отличиться лишь тем, что истоптали окрестные поля, устраивая бешеные скачки на лошадях, и вынуждали своего папашу выплачивать изрядные суммы на содержание плодов их легкомысленных связей, которые заводили в то время, как другие молодые джентльмены прилежно посещали школу. Правда, Пенхаллоу не особо жалел о потраченных деньгах, поскольку раньше, презрев условности, делал все возможное, чтобы увековечить свою породу; зрелище многочисленных юных Пенхаллоу, народившихся по всей округе, его забавляло, скандализируя и отпугивая более добродетельных знакомых.

Джимми не переставал удивляться, что Барт, который являлся копией отца, задумал жениться на подобной особе. Хитрая бестия, себе на уме, она с невинным видом, но самым бесстыжим образом обводила Барта вокруг пальца.

Джимми поднял второй сапог Барта. Следующими в ряду стояли сапоги Конрада, и при взгляде на них он злорадно усмехнулся. Конрад был физически слабее брата, но сильно превосходил его умом. Он был предан Барту и ревновал к другим, и хотя многочисленные деревенские интрижки брата оставляли его равнодушным, женитьба на Лавди или любой другой девушке могла вызвать у него яростный протест. Вероятно, Конрад уже догадался, откуда ветер дует. А может, Барт успел посвятить его в свою тайну. У него ума хватит. Вряд ли в его глупой башке возникнет опасение, что обожающий его Конрад решится на любую крайность, лишь бы избавиться от соперницы, посягающей на любовь брата-близнеца.

Джимми все еще прикидывал, рассказать ли старику Пенхаллоу о том, что творится у него в доме, когда по коридору зацокали каблучки, и в комнату впрорхнула Лавди Тревизин, держа в руках лампу из хозяйкиной спальни.

Бросив на нее сердитый взгляд, Джимми молча отвернулся. Лавди поставила лампу на стол и с улыбкой подошла к нему. Ее влажные карие глаза скользнули по полке. Джимми понял, что от нее не укрылось исчезновение тифлек, но виду она не подала. Понаблюдав, как Джимми трудится над вторым сапогом Барта, Лавди произнесла мягким тоном:

– Блестят как зеркало. Здорово у тебя получается.

Но Джимми остался глух к ее лести и соблазнительному голосу.

– А твои я чистить все равно не стану, – хмуро отозвался он. – Забирай их отсюда.

Она улыбнулась еще шире и кротко промолвила:

– Ну что ты так огрызаешься, миленький? Что я тебе сделала?

Джимми фыркнул:

– А что ты можешь сделать-то? Вот уж насмешила!

Ее улыбка стала менее доброжелательной.

– Ты просто ревнуешь, солнышко!

– Да чего тебя ревновать, вертихвостку этакую! Вот скажу старику, чем вы там с Бартом занимаетесь, он тебе живо задницу надерет. Посмеешься тогда у меня!

– С мистером Бартом, – поправила его Лавди.

Джимми засопел и отвернулся, краем глаза наблюдая, как она достает из-под полки свои туфли.

– Ах да, я и забыла, что вы с ним вроде как родственники, – прощebetала Лавди.

Джимми никак не отреагировал на ее выпад, и Лавди, посмеиваясь, ушла. Его немного задело, что она оставила без внимания дерзость, и он решил, что Лавди просто трусиха или замышляет какую-то гадость.

Не успел он начистить сапоги Конрада, как его позвал Рубен Лэннер. Джимми неторопливо вышел в коридор. Рубен, худой седоватый мужчина в поношенном черном костюме, велел ему отнести хозяину завтрак.

– А Марта где? – спросил Джимми просто из духа противоречия. Вообще-то он был не прочь услужить хозяину.

– Не твоего ума дело, – отрезал Рубен, который, как и вся прислуга в доме, терпеть не мог Джимми.

– Я обувь чищу, там еще много осталось.

– Пойдешь, когда закончишь, – недовольно произнес Рубен и исчез за дверью.

Джимми поплелся обратно в комнату. Приказ отнести Пенхаллоу завтрак его не удивил, как не удивило бы такое же распоряжение в отношении хозяйки. В Тревеллине было полно прислуги, но никто не имел четких обязанностей, и для членов семьи было самым обычным делом, если за столом им прислуживала кухарка или даже конюх. Слуги тоже не возражали против такой чехарды. Рубен и его жена Сибилла служили у Пенхаллоу так давно, что не мыслили жизни вне поместья. Джимми был связан с домом прочными родственными связями, пусть и не совсем законными. А служанки все были из местных и не слишком разбирались в своих правах. Им неплохо жилось в большом поместье, и менять его на заведение, где царил бы порядок и строгие правила, им в голову не приходило.

А потом все завертелось. Барт стал орать, требуя свои сапоги, и за ними явилась растрепанная горничная. В кухню пришла Лавди и сообщила, что мистер Юджин требует стакан кипятка и зерновой концентрат. Джимми стал собирать подносы, на которых предполагалось расставить всю ту пропасть еды, какая требовалась мистеру Пенхаллоу на завтрак. С конюшни вернулся Рэймонд и стал отчаянно трясти колокольчик в столовой. Рубен Лэннер подхватил тяжелый серебряный поднос со стопками тарелок, чашек и блюдец и с легкостью понес его по вымощенному плитам коридору. Ловко обогнув два угла, он взлетел на три ступеньки, прошел через дубовую дверь, пересек украшенный резьбой холл и наконец добрался до столовой – длинного зала, отделанного панелями и выходящего окнами на южную сторону. Мысль, что столовая должна находиться в непосредственной близости от кухни уже давно его не посещала; и хотя домочадцы часто жаловались, что еду подают остывшей, понимая, почему так происходит, никто из них не собирался ничего менять. Правда, Клара заметила, что неплохо бы прорубить в стене окошко, чтобы подавать через него еду, но ее не поддержали. Все давно привыкли к этому неудобству и не желали вносить каких-либо изменений.

Когда Рубен вошел, Рэймонд Пенхаллоу стоял у камина и читал письмо. Это был крепкий темноволосый мужчина тридцати девяти лет с суровым выражением лица и волевым подбородком человека, не склонного к шуткам. Он прекрасно ездил верхом, не чуждался физической работы и имел практический склад ума, позволявший отлично управляться с хозяйством. Всем было ясно, что, когда старик Пенхаллоу окончательно сдаст под натиском

недугов, Рэймонд наведет в Тревеллине свои порядки, и они вряд ли придутся по вкусу здешним обитателям, привыкшим кормиться за счет безрассудной щедрости хозяина. Однако обремененному долгами поместью это наверняка пойдет на пользу. Формально Рэймонд уже несколько лет управлял поместьем, однако на деле был всего лишь бесплатным надсмотрщиком у отца и полностью зависел от его сумасбродств. Старик Пенхаллоу скрепя сердце признавал организаторские таланты старшего сына, но ненавидел его практичность, считая недостойной мелочностью умение считать деньги. По-королевски пренебрегая непомерными расходами на содержание всей этой оравы, он с беспечной, но деспотичной щедростью средневекового феодала старался собрать под своей крышей как можно больше родственников, чтобы повелевать ими.

Рубен поставил поднос на огромный буфет красного дерева, занимавший всю стену столовой, и стал неторопливо расставлять на столе посуду. Его несколько не смущало, что три серебряных блюда почернели, а одна из тарелок отличалась от других рисунком. Он хладнокровно заявил, что она из другого сервиза, потому что этот слегка побился. Рэймонд не удостоил Рубена ответом, и тот продолжил сервировку, поставив на стол редкой красоты кофейник времен королевы Анны и оттенив его никелированным молочником и заварочным чайником из вустерского фарфора.

– Хозяин сегодня плохо спал, – сообщил Рубен.

Рэймонд пожал плечами.

– Он четыре раза звал Марту, – продолжил Рубен, накрывая заварочный чайник выцветшим атласным чехлом. – В общем, ничего страшного, просто подагра. Сейчас ему лучше.

Это сообщение вызвало не больше интереса, чем предыдущее. Потерев о рукав георгианскую серебряную ложку, Рубен добавил:

– Он получил письмо от Обри. Тот опять в долгах. Хорошенькая новость для хозяина.

Пренебрежительный тон, с которым это было сказано, несколько не возмутил Рэймонда, но сама новость заставила его нахмуриться. Он поднял голову.

– Я думал, вы обрадуетесь, – произнес дворецкий, и в его взгляде мелькнуло злорадство.

– Больно много себе позволяешь! – бросил Рэймонд, садясь во главе стола.

Рубен усмехнулся. Сняв крышку с блюда, он сгреб на тарелку несколько сардин и со стуком поставил ее перед Рэймондом.

– Да вы не волнуйтесь, – проговорил он. – Хозяин сказал, что Обри не выудит из него ни фартинга. – Подвинув Рэймонду корзиночку с тостами, он приготовился уходить. – Не успеем оглянуться, как парень окажется здесь. Вот тогда с него снимут стружку!

Рэймонд саркастически рассмеялся. Освободившись от бремени новостей, Рубен удалился, а в столовую вошла вернувшаяся из сада Клара Гастингс.

При беглом взгляде возраст Клары трудно поддавался определению. На самом деле ей было шестьдесят три, и хотя ее обветренное лицо избородили морщины, в растрепанных кудрях почти не было седины, а тело сохранило юношескую гибкость. Она была высокой, угловатой и лучше всего смотрелась в седле. Сильные костистые руки вечно были в земле – Клара с увлечением копалась в саду, обычно пренебрегая перчатками. Ее не по моде длинные юбки были вытянуты по краям, и она постоянно цепляла каблуками отпоровшуюся подпушку. Когда та отрывалась, Клара кое-как подшивала ее, используя первые попавшиеся нитки. Она не жалела денег на лошадей и свои посадки, однако в одежде была до неприличия экономна. Месяцами следила, как снижается цена на какую-нибудь шляпку в самом дешевом магазине Лискерда, и наконец с торжеством покупала ее за несколько шиллингов на окончательной распродаже в конце года. Выйдя замуж в двадцать два года, Клара отправилась в свадебное путешествие в новом котиковом манто. В свои шестьдесят три она продолжала его носить, хотя оно порыжело от времени и местами вытерлось до самой кожи. Ни

ее сына Клиффорда, адвоката, имевшего практику в Лискерде, ни членов семейства Пенхаллоу не волновал ее плачевный внешний вид. Однако потрепанные наряды Клары страшно раздражали ее невестку Розамунду и приводили в негодование жену Пенхаллоу Фейт. Порой и Вивьен, оторвавшись от более важных забот, позволяла себе едкие замечания в ее адрес.

Этим утром Клара была в широкой засаленной юбке и бесформенной шерстяной кофте на пуговицах, свалывшейся и выцветшей от многократных стирок. Под ней виднелась полосатая фланелевая блузка, похожая на мужскую рубашку. Картину завершали потрескавшиеся туфли, чулки разного оттенка и целая коллекция золотых цепочек, брошек с топазами и старомодных колец. На голове возвышалось причудливое сооружение, из-под которого выбивались шальные пряди с висящими на них шпильками. Сев напротив Рэймонда, Клара заявила, что ее серый жеребец потерял подкову.

– У меня сейчас все люди заняты, – произнес Рэймонд. – Ублюдок Джимми отведет его на кузницу.

Никак не отреагировав на это замечание, Клара налила ему кофе, а себе – чаю. Потом она пошла к буфету и через минуту вернулась с тарелкой, на которой лежали сосиска, яичница и несколько ломтиков бекона. Рэймонд, изучавший листок с цифрами, даже головы не поднял.

– Ночью отец опять буянил, – сообщила Клара.

– Рубен мне сказал. Он четыре раза поднимал Марту с постели.

– Подагра?

– Не знаю. Получил письмо от Обри.

Клара помешала ложечкой чай.

– Кажется, я слышала, как он кричал. Обри опять наделал долгов?

– Да. Я нисколько не удивлюсь. Чертов мот!

– Отец не успокоится, пока не вернет его домой. Станный молодой человек. Я ничего не понимаю в его заумной писанине. Но вряд ли он захочет вернуться.

– Можно подумать, что я этого хочу. Хватит и Юджина, тот целый день валяется на диване и воображает себя больным.

– Но отец хочет, чтобы он жил здесь.

– Будь я проклят, если знаю почему.

– Он очень забавный мальчик.

Рэймонд не нашелся что ответить, и разговор прекратился. Тяжелые шаги на лестнице и громкий свист возвестили о приближении одного из близнецов. Это был Конрад, младший, – приятный молодой брюнет с орлиным профилем, как и все в его семье. Он был выше Рэймонда, но такого же крепкого сложения. Конрад не обладал умом Обри, который был старше его на три года, но все же голова у него работала лучше, чем у брата-близнеца, и после долгих лет учения он сумел сдать экзамены и получить профессию агента по продаже земельных участков. Отец купил ему долю в солидной местной фирме, и Конрада можно было считать устроенным, если только старшие партнеры не выведут его из дела, поскольку он под любым предлогом уклонялся от работы и не появлялся в конторе.

Войдя в столовую, Конрад захлопнул за собой дверь и, поздоровавшись с теткой, подошел к буфету и стал щедро наполнять тарелку.

– Старик не спал всю ночь, – сообщил он, садясь за стол.

– Уже знаем, – усмехнулся Рэймонд.

– Я слышал, как он под утро поминал Каина, – продолжил Конрад, протягивая длинную руку за масленкой. – Ваш серый потерял подкову, тетя Клара.

Она протянула ему чашку с кофе.

– Твой брат сказал, что Джимми отведет его в деревню.

– Держу пари, что сегодня Джимми весь день будет крутиться вокруг старика. Я сам могу его отвести. Мне все равно туда надо. Вы только распорядитесь, чтобы его вывели.

– Если пойдешь в деревню, отправь письмо, – попросил Рэймонд, бросая ему конверт.

Конрад положил его в карман и занялся завтраком. Он уже добрался до мармелада, а Рэймонд покончил с завтраком и закурил трубку, когда появился старший близнец. Бартоломью радостно поприветствовал сидящих за столом. Они с Конрадом были очень похожи, но Барт был выше и сильнее и производил впечатление добряка, которым вовсе не являлся. У него было румяное открытое лицо, блуждающий взгляд и обезоруживающая улыбка. Дружески ткнув брата в ребро, он прошел к буфету и объявил, что сегодня прекрасный день.

– Послушай, Рэймонд, что там с нашим папашей? – спросил он, оглянувшись.

– Скорее всего, ничего страшного. Просто плохо спал.

– Мне ли не знать! – откликнулся Барт. – А почему у него разыгралась подагра?

– Из-за болвана Обри. Рубен говорит, он опять залез в долги.

– Черт! Теперь уж старик точно не раскошелится. Одолжи мне пятерку.

– Зачем тебе?

– Я почти столько должен.

– Можешь пока не отдавать. Я прежде поговорю с отцом.

– Пошел к черту! Конрад?

– Ты слишком хорошо обо мне думаешь.

Барт повернулся к Кларе:

– А вы, тетя? Ну, будьте же умницей! Клянусь, я отдам.

– У меня нет лишних денег, – промолвила Клара. – Пришел счет от ветеринара, мне нужны новые сапоги...

– Как вы можете отказывать любимому племяннику? Вы же добрая, – старался подольститься Барт.

– Не подлизывайся, дрянной мальчишка! – ласково воскликнула Клара. – Знаю я, куда уходят твои денежки! Старую тетку не проведешь.

Барт усмехнулся, довольный результатами маневров. Клара еще немного попричитала по поводу своей бедности и бесстыдства племянника, но тут Конрад и Рэймонд принялись спорить о конских сухожилиях, и она переключилась на более интересную тему. Когда в столовую вошла Вивьен, все четверо громко обсуждали, как лучше стреножить брыкающуюся в стойле лошадь.

Вивьен Пенхаллоу родилась в Суррее и была в семействе Пенхаллоу белой вороной. Она познакомилась с Юджином в Лондоне, влюбилась в него с первого взгляда и вышла замуж вопреки воле родителей. Несмотря на то что Юджин был выше по происхождению, имел приятные манеры и привлекательную внешность, супруги Арден предпочли бы, чтобы их дочь вышла замуж за человека с более надежным источником дохода, нежели изящные, но несколько заумные стихи и рассказы Юджина. Он был лишь третьим сыном в семье, и вряд ли следовало надеяться, что Пенхаллоу завещает ему поместье. Но Вивьен была уже не первой молодости, и ей наскучило унылое существование. Не испытывая особой тяги к тихой семейной жизни, она убедила себя, что будет счастлива с Юджином даже в нищете, вращаясь в среде художников, писателей и прочей богемы. В общем, Вивьен вышла за него замуж и была бы ему прекрасной женой, если бы он всерьез занялся писательством и мог этим зарабатывать на жизнь. Несколько лет они скитались по свету, ведя довольно скудное существование, которое Вивьен, в отличие от мужа, вполне устраивало. Но вскоре Юджин серьезно и надолго заболел, что существенно облегчило его и без того тощий кошелек, после чего он окончательно сник и стал считать себя полным инвалидом. Чтобы поправить здоровье и финансы, ему пришлось вернуться в Тревеллин, после чего он наотрез отказался покидать родительский кров, несмотря на все старания Вивьен. Юджин объявил, что больше

не в силах противостоять тяготам бытия, лицемерно присовокупив, что, раз отец так слаб здоровьем, сыновний долг велит ему оставаться в Тревеллине. Когда Вивьен пожаловалась, как тяжело ей жить в доме, где ее не любят, Юджин, потрепав жену за руку, стал туманно рассуждать о том прекрасном времени, когда старик Пенхаллоу отправится в мир иной и они обретут материальную независимость. Надо только иметь терпение. Попытка продолжить разговор на эту тему уложила ее мужа в постель с сильнейшей головной болью, и поскольку Вивьен ни секунды не сомневалась в слабости его здоровья и была полна решимости оградить мужа от любых вредных воздействий, тема отъезда из Тревеллина больше не поднималась.

Она выросла в городе, ничего не понимала в лошадях и была к ним совершенно равнодушна, поэтому девери относились к ней прохладно. Сами они не представляли лучшего места, чем Тревеллин. Привыкли к тирании папаша и считали ее чем-то естественным, а потому возмущение Вивьен казалось им смешным и нелепым. Они называли ее занудой, смеялись над приступами гнева и подтрунивали над влюбленностью Вивьен в Юджина. Без всякого злого умысла они немилосердно дразнили ее и потешались над ее негодованием. Люди они были толстокожие и искренне недоумевали, как можно обижаться на их грубоватую веселость.

Фейт, вторую жену их отца, это семейство полностью подмяло под себя. Вивьен же пыталась сопротивляться и даже сумела обрасти неким панцирем, который делал ее нечувствительной к их пренебрежению. Она никогда не притворялась, что интересуется вещами, какие были важны для них. Вот и сейчас, услышав, что Конрад с Бартом вспоминают, как Обри почти даром купил гнедого жеребца, Вивьен резко бросила:

– Хватит про своих лошадей! Мне нужны тосты для Юджина. Сибилла принесла ему какие-то ломти толщиной с доску. Давно пора усвоить, что он любит тонкие и не очень поджаренные.

Она хмуро взглянула на оставшиеся на столе тосты, но Барт предостерегающе вытянул руку:

– Не трогай, это наши! Обойдется твой Юджин.

Вивьен резко дернула шнур звонка.

– Эти все равно остыли. Сибилла поджарит ему свежих. Он ужасно провел ночь.

Близнецы хором фыркнули, заставив ее покраснеть. Даже Рэймонд изобразил какое-то подобие улыбки.

– У Юджина кишка тонка – вот и вся его болезнь, – заметил он.

– Вы здоровые, как быки, вам и в голову не приходит, что люди могут хворать. Юджин страдает бессонницей. Если он чем-то расстроен...

Ее прервал взрыв хохота. Сжав губы, Вивьен сверкнула глазами. Ноздри раздулись от гнева.

– Да ладно вам, не дразните женщину! – вмешалась Клара. – У Юджина, наверное, расстройство желудка. У него всегда был слабый желудок. Если он предпочитает называть это бессонницей, что тут плохого?

– Какой покой может быть в этом доме, если ваш отец ведет себя, словно он пуп земли? Целую ночь зовет эту мерзкую старуху и орет так, что на всю округу слышно! – яростно закричала Вивьен. – Можете обижаться, только я считаю, что ничего с ним страшного нет. Просто капризничает.

– А кто сказал, что с ним что-то не так? Он в полном порядке, – заявил Барт.

– Тогда зачем он поднимал на ноги весь дом четыре раза за ночь?

– Это его дом.

– Он такой же эгоист, как вы все! Ему наплевать, что Юджин опять заболеет!

Рэймонд встал и собрал свои бумаги.

– Вот ты ему об этом и сообщи, – посоветовал он.

– Обязательно. Я-то его не боюсь, не то что вы!

– Какая женщина! – воскликнул Барт, обняв Вивьен за плечи. – Давай, милая, давай!

Задай нам всем жару!

Она возмущенно оттолкнула его:

– Замолчи!

В столовую вошел Рубен.

– Это вы звонили? – строго спросил он.

– Звонила я, – холодно ответила Вивьен. – Мистер Юджин не будет есть тосты, которые ему принесли. Скажите Сибилле, чтобы поджарила ему новые – и чтобы были тонкие и не горелые!

– Лучше пусть она ему уши надерет, – заметил Конрад, выходя из столовой вслед за Рэймондом.

– Я передам ей, мадам, – недовольно пробурчал Рубен. – Но мистер Юджин вечно капризничает, и если потакать его прихотям, конца им никогда не будет. Ну и доставалось же ему за это от хозяина! Бывало, порол его...

– Вы слышали, что я вам сказала? – резко перебила его Вивьен.

– Балуете вы его, – произнес Рубен, сокрушенно покачав головой. – Да принесу я ему свежие тосты! Тоже мне, хозяин нашелся!

Она с трудом сдержалась, чтобы не ответить на дерзость, и Рубен, пренебрежительно засопев, удалился.

– Хватит хлопотать о муженьке, милая. Садись позавтракай, – добродушно промолвила Клара. – Вот твой чай. Да садись же!

Взяв чашку с блюдцем, Вивьен проворчала, что чай опять слишком крепкий.

– Не понимаю, как вы терпите этого наглеца? Лодырничает, фамильярничает – совершенно невозможный тип.

– Видишь ли, он родился и всю жизнь провел в Тревеллине, как и его отец, – принялась терпеливо объяснять Клара. – Он никого не хочет обидеть, но, согласись, дорогая, трудно ожидать от него уважения к мальчишкам, которых он гонял палкой из кладовой. Не обращай на него внимания!

Вздохнув, Вивьен замолчала. Она знала, что Клара, несмотря на сочувствие, никогда не станет на ее сторону. Единственным союзником была Фейт, но Вивьен презирала ее.

Глава 2

Фейт Пенхаллоу предпочитала завтракать в постели, однако не по причине слабого здоровья, а из-за Клары, которая имела обыкновение садиться во главе стола, где стояли чашки. Сама Фейт не стремилась наливать чай и кофе своей многочисленной родне, но, как многие слабовольные натуры, ревностно относилась к своему положению и не хотела ронять достоинство, появляясь за столом, где место хозяйки узурпировала Клара. Несколько раз Фейт пыталась намекнуть, что во главе стола должна сидеть хозяйка дома, но делала это столь нерешительно, что ее золовка не поняла намеков. Поэтому Клара, занявшая это место сразу после возвращения под отчий кров, сохранила его за собой, а Фейт, не желая признавать себя побежденной, спускалась вниз только после завтрака.

Прошло двадцать лет с тех пор, как Фейт Клэй Формби, романтическая девятнадцатилетняя девица, была сражена наповал Адамом Пенхаллоу, высоким интересным брюнетом на двадцать два года старше ее, и покинула дом своей тетки, чтобы выйти за него замуж. Тогда она была просто красавицей – огромные голубые глаза, светлые локоны и очаровательный нежный ротик. А Пенхаллоу возраст только придавал импозантности. Он знал, как производить впечатление на молодых девиц, и его репутация повесы придавала ему лишний шарм. Фейт была польщена его вниманием и рисовала себе картины счастливого будущего: она хозяйка прекрасного замка в Корнуолле, исправившийся муж боготворит ее, приемные дети обожают. Она будет очень добра к бедным сироткам. Конечно, поначалу они встретят мачеху неприветливо, но она будет само терпение и чуткость, и не пройдет и нескольких месяцев, как они полюбят ее и станут соперничать за внимание Фейт.

С первого взгляда Тревеллин даже превзошел ее ожидания. Огромный дом эпохи Тюдоров с голландскими фронтонами, высокими трубами и многостворчатыми окнами исторг из груди Фейт восторженный возглас. Она увидела его в летние сумерки, в окружении изумрудных пастбищ, когда серые стены чуть розовели в закатных лучах. В саду пестрели цветы, тяжелые дубовые двери были гостеприимно распахнуты, открывая вид на черные от времени полы, покосившийся раздвижной стол и металлическую грелку, висящую на отделанной панелями стене. За домом, в отдалении, неторопливо несла свои воды река Мур. В воздухе витал острый запах влажного торфа. Да, все было так, как она представляла! Правда, позднее Фейт обнаружила, что бесчисленные комнаты особняка запущены и нуждаются в ремонте, ковры и шторы вытерлись и выцвели, прекрасная старинная мебель соседствует с грубыми поделками местных столяров, а чтобы содержать такой дом в порядке, требуется целая армия слуг. Однако это ее не смутило, и она решила, что все здесь изменит.

Но с отпрысками Пенхаллоу Фейт потерпела неудачу. При первом же взгляде на эту ораву, выстроенную в боевую шеренгу для приветствия, ее иллюзии поблекли. Она с ужасом заметила, что со старшим пасынком они ровесники, и он гораздо увереннее в себе. Разве Пенхаллоу говорил ей, что Рэймонду уже девятнадцать? Этого Фейт не помнила. Возможно, и сказал, но она относилась к тому типу женщин, которые пропускают мимо ушей все, что не укладывается в их идеалистическое представление о мире.

Итак, перед ней стояли все семеро: Рэймонд, хмурый и молчаливый; Ингрэм, обогнавший его в росте, с резкими грубоватыми манерами; пятнадцатилетний Юджин, художочная копия Ингрэма, но с более живым лицом и не по годам острый на язык; Чармин, пятью годами моложе Юджина, такая же чернобровая и дерзкая, как и остальные; восьмилетний Обри, казавшийся утонченнее других, что, впрочем, было весьма обманчиво; и, наконец, близнецы, упрямые и неприветливые пятилетние мальчишки, которые при попытке их обнять моментально спрятались за спины старших братьев.

Впрочем, никакой враждебности к своей мачехе они не выказывали. Похоже, их не огорчало, что Фейт заняла место матери. Вскоре она поняла, что они настолько привыкли к многочисленным любовницам Пенхаллоу, что принимали как должное любую появившуюся в доме женщину. Ее поразила ужасная догадка – они восприняли ее как очередную пассию Пенхаллоу, нечто неизбежное, однако совершенно для них постороннее. Фейт воображала, будто они страдают без материнской ласки, ей и в голову не приходило, что она им ни к чему: они ненавидели любые сантименты, вечно попадали в какие-то истории, скандализируя округу и вызывая гнев отца, и обожали носиться верхом, отчаянно нахлестывая лошадей, один вид которых приводил ее в ужас.

Фейт так и не представился случай проявить материнскую заботу. Как можно по-матерински относиться к своему ровеснику? Или к подросткам, презирающим всякие нежности? Или к диковатой девчонке, которая с презрительной миной спасла Фейт от стада агрессивно настроенных быков и считала ее дурочкой, потому что та назвала кобылу «милой лошадкой». Что касалось Обри и близнецов, то они находились на попечении Марты, и все их симпатии доставались ей. В общем, любая попытка сближения была обречена на провал – Фейт в этом доме терпели, и только. Женитьба Пенхаллоу не вызвала в его чадах ни малейшего интереса.

Она предприняла отчаянные попытки вписаться в семейство и даже стала ездить верхом под руководством не знающего жалости Пенхаллоу. Проводила в седле долгие мучительные часы, но так и не сумела совладать ни с одной лошадью, кроме медлительной пожилой кобылы, которая уже никуда не торопилась. Пенхаллоу громко хохотал над ее промахами, а Фейт, рыдая, недоумевала, зачем она вышла замуж за этого человека, но чаще – почему он женился именно на ней. Ей было невдомек, что Пенхаллоу жил, повинувшись лишь порывам, не привык ограничивать свои вожеления и никогда не задумывался о последствиях. Он хотел обладать Фейт, но поскольку заполучить ее он мог только женившись, то связал себя узами брака, положившись на волю providения, а может, и вовсе ни о чем не заботясь.

Фейт никогда не понимала мужа, и хотя порой ее пугала его невоздержанность в постели, она была слишком молода и неопытна, чтобы осознать, что связала свою жизнь с распутником, который никогда не будет ей верен. И жестокая реальность вскоре открыла ей глаза. Когда она впервые узнала, что у мужа есть любовница, ее обиде и отчаянию не было границ. Но к тому времени Фейт была уже беременна, и только это удержало ее от развода. После рождения сына Клэя об уходе она больше не помышляла. А любовь к Пенхаллоу исчезла без следа. Во время беременности ее постоянно тошнило, Фейт стала нервной и раздражительной. Не перестав питать иллюзий, почерпнутых из романов, она воображала, будто Пенхаллоу окружит ее нежным вниманием, станет волноваться и ежедневно навещать, умоляя заботиться о своем здоровье, а уж во время родов непременно будет нервно ходить под дверью, переживая за нее и их будущего ребенка. Но Рейчел Оттери, первая жена Пенхаллоу, рожала детей без всякой суеты и переживаний, не переставая ездить верхом чуть ли не до самых родов и относясь к этому событию столь же спокойно, как к удалению больного зуба. Поэтому Пенхаллоу не слишком сочувствовал Фейт со всеми ее страхами и нервозностью, расценивая ее положение как несварение желудка. Фейт, считавшая простейшие функции человеческого организма не совсем приличными и могущими упоминаться лишь индифферентно, называвшая сук «девочками» и собиравшаяся сообщить близнецам, что аист принес им чудесного маленького братика, была в отчаянии от черствости мужа, и сердце ее сжималось от боли. В тот день, когда Пенхаллоу радостно сообщил викарию, что его жена «понесла», она поняла, что вышла замуж за животное, и навсегда распрощалась со своими девическими мечтами.

Клэй родился в четыре часа дождливого осеннего дня. Пенхаллоу находился в это время на охоте. Он зашел к Фейт только в семь, весь забрызганный грязью и пахнущий конюшней, кожей и виски.

– Ну, моя девочка, как у нас дела? Уже оклемалась? А где же малыш Пенхаллоу? Ну-ка, посмотрим на этого шельмеца!

Но Клэй ему не очень понравился. Посмотрев на морщинистое личико, чуть видимое из-под муслина и голубых лент, он, привыкший, что Рейчел дарила ему крепких и буйных младенцев, недовольно пробурчал:

– Ну и заморыш, черт побери! Прямо крысенок какой-то. Ничего от нашей породы!

Возможно, потому, что в сыне было мало его черт, Пенхаллоу позволил жене самой выбрать для него имя. Клэй рос хилым и болезненным, в чем, по мнению отца, была виновата мать, которая чрезмерно пеклась о себе во время беременности. Вместе со светлыми волосами мальчик унаследовал и робкий характер матери. Он трепетал, услышав зычный голос отца, независимо от того, гневался тот или шумно веселился; плакал от испуга и вечно прятался за материнскую юбку, жалуясь, что старшие братья обижают его. Фейт бесстрашно вставала на защиту своего чада, следя, чтобы никто и пальцем не смел к нему притронуться. Вообразив, будто Клэю постоянно кто-то угрожает, она невольно внушила ему страх перед братьями, хотя те этого не заслуживали. Близнецы, конечно, задирались, но старшие Пенхаллоу, которые с готовностью научили бы его ездить верхом, ловить рыбу, охотиться и махать кулаками, не будь он таким слабаком, попросту не замечали его. На свое счастье, Клэй оказался весьма смышленным и сумел получить грант на обучение в престижном учебном заведении. Пенхаллоу, который всех своих сыновей посылал в местную школу, где они учились спустя рукава, заявил, что раз ни на что другое Клэй не годится, так пусть хоть набьет голову книжной премудростью. Позже он согласился послать парня в Кембридж, где он сейчас учится. Этим Фейт была обязана Рэймонду, поскольку тот прямо заявил:

– Какой от него здесь толк? Только хлеб даром ест.

Пенхаллоу этот довод показался убедительным. Клэй был единственным, кого отец не хотел видеть под своей крышей. Он говорил, что его тошнит от одного вида белобрысого маменькиного сынка.

Цвет волос этого мальчика являлся для него источником постоянных унижений. Все Пенхаллоу со свойственной им прямолинейностью не упускали случая напомнить, что в их роду никогда не было блондинов, а случайные гости неизменно удивлялись подобному феномену. Фейт, отмечая всякие намеки, обиженно объясняла, что первая миссис Пенхаллоу была такой же брюнеткой, как и ее муж, так стоит ли удивляться, что все их отпрыски получились темноволосыми.

Фейт часто рассматривала портрет Рейчел Пенхаллоу, стараясь представить, что это была за женщина и как ей удавалось справляться с мужем. Видимо, дама она была решительная – лицо на портрете дышало силой и самоуверенностью, в глазах читался вызов, а полная нижняя губа была высокомерно выдвинута вперед. Фейт она была несимпатична и даже чем-то пугала. Порой ей казалось, будто глаза на портрете глядят на нее с насмешкой. Ей чудилось, что дух Рейчел еще витает в доме, хотя в действительности здесь царил лишь тиранический дух ее мужа. Фейт так интересовалась предшественница, что в первые годы замужества она пыталась сойтись с теми, кто близко знал ее, и даже подружилась с Делией Оттери, младшей сестрой Рейчел, которая жила вместе с братом Финисом в скромном сером домике на окраине Бодмина. Но бессвязные рассказы Делии не очень-то помогли делу. Делия, обожавшая свою сестру, не разбиралась в тонкостях ее характера. Ей были известны лишь факты жизни, но толковать их она не умела. Делия вообще была глуповата и очень застенчива. Типичная старая дева. С Фейт их ничего не связывало, и дружба постепенно сошла на нет, дав юным Пенхаллоу повод для нескончаемого зубоскальства. В их глазах Делия всегда была чем-то вроде огородного пугала.

Фейт слегка презирала своих соседей, считая их неотесанными провинциалами, с которыми у нее не может возникнуть ничего общего. Все они были сельскими жителями, а она

выросла в городе и не хотела приспосабливаться к новой обстановке. Ее отношения с местными матронами ограничивались простым знакомством. Они представлялись ей нечуткими и ограниченными. Фейт хотелось сочувствия, но оно обычно не располагает к дружбе.

Эта жажда сочувствия со временем только росла. Именно поэтому она забрала с кухни Лавди Тревизин, сделав своей горничной, а потом и наперсницей. Девушка была добра и терпелива, часами выслушивала жалобы хозяйки и сочувствовала нелегкой судьбе. Неудивительно, что ее поистине дочерняя нежность приводила в умиление Фейт, которая страстно мечтала о заботе и понимании.

Когда Лавди вошла в спальню, Фейт капризно спросила:

– Что там случилось, милая?

Рядом с бледной увядшей хозяйкой Лавди казалась воплощением молодости и жизненной силы. Забрав у Фейт поднос, она ласково улыбнулась.

– Ничего.

– А мне слышалось, будто мистер Пенхаллоу на кого-то кричал, – произнесла Фейт.

– Да. Дядя Рубен сказал, что это из-за мистера Обри. Вы только не переживайте, мадам.

Фейт с облегчением откинулась на подушки. Слава богу, это не Клэй разозлил отца.

Ведь его карьера в Кембридже складывалась не столь удачно, как предполагалось вначале. Она стала смотреть, как Лавди, положив поднос у двери, собирает одежду своей хозяйки. Сосредоточившись на более мелких заботах, Фейт пожаловалась:

– Вода в ванне опять была чуть теплая. Сибилле следует обратить на это внимание.

– Я передам ей, мадам, не волнуйтесь! Там что-то случилось с отоплением.

– В доме вечно что-то случается и никогда ничего не работает!

– Конечно, такой даме, как вы, трудно обходиться без удобств, – промурлыкала Лавди. – Вы еще молодец, что все это терпите.

– Никому до меня дела нет, но я привыкла. Тревеллин плохо на меня действует. Мне здесь не по себе, и сплю я ужасно, ты же знаешь. Приходится пить капли, но они уже не помогают!

– Вам надо сменить обстановку, мадам. Это место не для вас.

– Глаза бы мои не видели его, – пробурчала себе под нос Фейт.

В дверь постучали, и прежде чем она успела ответить, в комнату вошла Вивьен. Лавди поправила щетки на туалетном столике и, подхватив поднос, упорхнула. По насупленным бровям невестки Фейт поняла, что Вивьен на взводе, и поспешила заявить умирающим голосом, что провела ужасную ночь и голова у нее просто раскалывается от боли.

– Чему же тут удивляться! – резко бросила Вивьен. – Ваш драгоценный супруг сделал все, чтобы весь дом не сомкнул глаз.

– О, я не знала, – смущенно промолвила Фейт. – Разве он ночью не спал?

– Не спал! Радуйтесь, что ваша спальня на другой стороне. Он беспрестанно дергал колокольчик и во весь голос звал Марту, эту мерзкую старую ведьму.

Вытащив из кармана твидового жакета смятую сигаретную пачку, Вивьен закурила.

– А правда, что она была его любовницей? – спросила она. – Мне Юджин сказал.

Фейт вспыхнула и приподнялась с подушек.

– Вполне в духе Юджина! – раздраженно воскликнула она. – А у тебя хватает бестактности сообщать об этом мне!

– Ах, простите! Но похождения Пенхаллоу ни для кого не секрет, и их открыто обсуждают. Бросьте делать вид, будто вы о них не знаете. Все вам прекрасно известно, просто вам наплевать.

– Вовсе нет! – возразила Фейт. – Если я молчу, то это не означает, что я одобряю ее присутствие. Приличные джентльмены держат для себя лакеев. Но сплетничать об их прежних отношениях в высшей степени неприлично. О подобном не говорят вслух.

– Вот уж не знаю, – задумчиво произнесла Вивьен. – Единственно, что есть хорошего у семейства Пенхаллоу, – прямота и откровенность. В них нет лицемерия.

– Я была воспитана иначе и считаю, что о некоторых вещах лучше умолчать, – чопорно заявила Фейт.

– Но разве не занудство постоянно притворяться и делать вид...

– Ты забываешь, что я Юджину вместо матери.

– Не говорите глупостей! Вы всего на десять лет старше меня и так же ненавидите это место. Но вы ведь можете здесь что-то поменять. В конце концов, вы жена хозяина! Только посмотрите на слуг! Сибилла смеет дерзить Юджину, а уж Рубен и гнусный Джимми...

– Мне жаловаться бесполезно! – перебила Фейт. – Я ничего не решаю. А Сибилла прекрасно готовит. Кто еще согласится служить в подобном доме и готовить для целой толпы на той развалине, которую тут называют плитой! Еще счастье, что они с Рубеном до сих пор не попросили расчет.

– А горничная? – продолжила Вивьен. – Почему вы не прогоните ее?

– Прогнать Лавди? Ни за что! Она единственная, кто в этом доме обо мне заботится!

– А тетя Клара считает, что она двуличная.

– И слышать не хочу, что там считает Клара. Она злобная старуха и ненавидит Лавди...

– Все так утверждают. Барт опять взялся за старое. Разве можно в доме держать хороших слуганок?

– Лавди Тревизин порядочная девушка, и не смей говорить о ней гадости!

– Юджин полагает, она хочет окрутить Барта.

В голубых глазах Фейт мелькнул испуг.

– Барт никогда...

– Да, со своими прежними пассиями он о женитьбе и не помышлял, но на сей раз, похоже, влип. Конрад уже сам не свой от ревности. Неужели вы не замечаете? Юджин говорит...

– Не желаю знать, что там говорит твой Юджин! Он интриган, и я не верю ни одному его слову!

Любая критика в адрес Юджина моментально выводила Вивьен из себя. Бросив сигарету в камин, она поднялась и холодно произнесла:

– Можете не верить, но если у вас есть хоть капля здравого смысла, немедленно избавляйтесь от этой девчонки. Не знаю, собирается ли Барт жениться, мне на него наплевать, но, если узнает Пенхаллоу, вы пожалеете, что не послушали меня.

– Не верю! – воскликнула Фейт, едва сдерживая слезы.

Открыв дверь, Вивьен бросила с порога:

– Вы просто боитесь поверить! Как же я от вас устала.

Когда она ушла, Фейт еще с полчаса лежала в постели, сокрушаясь по поводу бессердечности Вивьен. Та вечно пытается ее расстроить и совершенно не щадит нервы, тем более сейчас, когда она разбита после бессонной ночи. Фейт всегда избегала неприятных новостей, страшась их неизбежных последствий. С Лавди она расставаться не собиралась и не допускала и мысли, что слова Вивьен могут оказаться правдой.

Был уже одиннадцатый час, когда Фейт наконец поднялась и стала одеваться. К счастью для нее и всех остальных домочадцев, хозяйство в Тревеллине вела Сибилла Лэннер. Так уж повелось после смерти Рейчел. Попытка Фейт взять бразды правления в свои руки не увенчалась успехом, и вовсе не потому, что этому противилась Сибилла. Просто Фейт не имела ни малейшего представления, как кормить столь многочисленное семейство, и была не в состоянии запомнить привычки и вкусы домашних. А добродушная, безалаберная и расточительная Сибилла, которая все делала в последний момент и вечно посылала горничных в деревню за хлебом или содой для выпечки, никогда не забывала, что мистер Рэймонд

не ест патоку, Конрад любит яичницу, поджаренную с обеих сторон, а хозяин не притронется к булочкам, если к ним не подадут заварного крема, как было принято в прежние времена. Когда тетка Фейт, у которой она воспитывалась, навестила ее в Тревеллине, то, ужаснувшись экстравагантности Сибиллы, попыталась приучить ее к более рациональному ведению хозяйства. Однако результата это не возымело. Сибилла со свойственной ей учтивостью выслушала наставления, согласилась с ними, но привычек своих не изменила, и в кухне все осталось по-прежнему.

Фейт вышла из спальни в одиннадцать часов, и к этому времени все уже разошлись. Горничные заправляли кровати, опорожняли горшки и поднимали пыль швабрами. Никто за ними не присматривал, они не торопились и весело болтали. Наткнувшись на толстушку со щеткой и совком, выходящую из комнаты Рэймонда, Фейт сухо заметила, что спальни следовало убрать еще час назад. Девушка возражать не стала и с добродушной улыбкой сообщила, что «сегодня они чуток запоздали». Впрочем, запаздывали они постоянно. Спускаясь по широкой дубовой лестнице, Фейт с раздражением подумала, что с горничными надо быть поосторожнее. Однако она тут же нашла себе оправдание, мол, у нее нет ни сил, ни здоровья, чтобы обуздать неотесанных деревенских девиц.

Лестница вела в центральный холл, бесформенное помещение с низким потолком и множеством дверей, от которого ответвлялись длинные коридоры. Напротив лестницы, над большим камином, висел портрет Рейчел. В центре холла стоял складной стол, а на нем ваза с цветами. Еще там было несколько стульев времен короля Якова с высокими резными спинками и вытертыми сиденьями, выцветший персидский ковер, старинный дубовый сундук; потемневшее медное ведерко для угля, два кресла с полукруглой спинкой и этажерка, где валялись старые газеты и журналы, садовые ножницы, мотки бечевки и прочий хлам. В углу стоял большой кувшин с павлиньими перьями, а под одним из окон громоздился неуклюжий письменный стол. Стены украшали пейзажи в тяжелых золоченых рамах, лисьи и оленьи головы, две металлические грелки, стеклянная витрина с чучелом выдры и дубовая вешалка с крючками, на которых висели охотничьи хлысты.

Стояла поздняя весна, и из открытой готической двери тянуло холодком. Фейт зябко повела плечами и прошла в Желтую гостиную. Она решила, что ее золовка, как обычно, копается в своих папоротниках или катается по пустым аллеям в повозке, запряженной костлявой кобылой, с которой, как считала Фейт, они были удивительно похожи. Она поискала утреннюю газету и, не найдя, отправилась в столовую, надеясь обнаружить ее там. Когда Фейт вернулась в холл с газетой в руках, из широкого коридора, ведущего в западную часть дома, вышел Рубен и сообщил ей не слишком приятную новость:

– Хозяин хочет вас видеть, мадам.

– Я как раз к нему собиралась.

Фейт всегда тщательно скрывала от слуг, что испытывает страх перед мужем. Теперь же, когда он был прикован к постели, страх этот перерос прямо-таки в суеверный ужас.

– Лавди сказала, что он неважно себя чувствует.

– Я знал, что этим кончится, когда он попросил Сибиллу испечь ему пирог с сардинами, – мрачно заявил Рубен. – Он всегда был вреден для его желудка.

Фейт содрогнулась от воспоминаний. Накануне Пенхаллоу вдруг потребовал давно забытое в Корнуолле кулинарное чудо. Возмутился, что в Тревеллине никогда не подают пирог с сардинами, и вспомнил, как замечательно его пекли в доме бабки. Потом стал распекать молодежь за невнимание к обычаям отцов, закончив тем, что послал за Сибиллой и распорядился испечь пирог к ужину. Пусть все знают, что такое настоящая корнуоллская еда! Вечером Пенхаллоу приехал на инвалидном кресле в столовую, чтобы председательствовать за столом и собственноручно угощать пирогом домочадцев. Перед ним поставили блюдо с горой печеного теста, из него торчали головы многочисленных сардин. Фейт сразу затош-

нило, но она смалодушничала и заставила себя проглотить пару кусков. И только у Вивьен хватило духа, чтобы отказаться есть «эту дрянь».

В душе Фейт была довольна, что Бог наказал ее мужа несварением желудка. Это давало надежду, что повторения не последует.

Словно прочитав ее мысли, Рубен продолжил:

– Но он и слушать не хочет, что это из-за пирога. И ничем его не убедишь, хоть тресни. Такой уж у него характер.

Фейт считала ниже своего достоинства обсуждать с прислугой мужа, поэтому промолчала и, положив газету на стол, направилась в западное крыло. Коридор с маленькими окошками, прорубленными в толстой каменной стене, привел ее в другой холл, откуда можно было выйти в сад. Там же находилась двустворчатая дверь в комнату, которая задумывалась как танцевальный зал, но уже много лет служила Пенхаллоу спальней.

Взявшись за ручку, Фейт на мгновение застыла, прислушиваясь. За дверью было тихо, и, глубоко втянув воздух, словно перед прыжком в воду, она повернула ручку и вошла.

Глава 3

Комната, в которой очутилась Фейт, занимала все западное крыло дома и выходила окнами на две стороны – с фасада открывался вид на аллею, ведущую к главным воротам, а с противоположной стороны виднелся сад, огороженный увитой плющом стеной. Это крыло пристроили к основному зданию в семнадцатом веке, поэтому спальня Пенхаллоу была обшита деревянными панелями и изобиловала лепными украшениями. В огромном резном камине, полку которого поддерживали две кариатиды, пылали поленья, лежавшие на огромной куче золы. Высокий узорчатый потолок потрескался и почернел от дыма, вырывавшегося из камина при порывах ветра. Темные панели придавали комнате сумрачный вид, от него не спасали даже два ряда окон. Однако любого, кто сюда входил, прежде всего поражала многоцветная пестрота обстановки.

Комната была набита мебелью, на каминной полке, шкафах и многочисленных столиках, занимавших все свободное пространство, теснились самые немислимые безделушки, собранные без всякой системы. Пенхаллоу просто тащил к себе в комнату все, на чем оставался его не слишком взыскательный взгляд. Между окнами стоял красный лакированный комод, на нем сидел китайский божок Хотэй, вырезанный из слоновой кости. У другой стены возвышались две довольно уродливые бамбуковые цветочницы с тропическими растениями в горшках. По сторонам камина, на пристеночных столиках пылилась пара огромных малахитовых ваз, перекочевавших сюда из Желтой гостиной. В углу притулился мраморный умывальник, кое-как отгороженный дешевой японской ширмой с золотыми птицами. Рядом обосновался инкрустированный сундук, белесый от времени, а вплотную к нему – изящный столик из атласного дерева, притиснутый к кровати. С другой стороны кровати возвышался ореховый комод, находящийся в близком соседстве с круглым столом, накрытым ярко-красной скатертью из синельки, и изысканной кушеткой эпохи Карла I, обитой выцветшим бордовым бархатом. Рядом стояло инвалидное кресло Пенхаллоу, а поблизости – длинный узкий обеденный стол, заваленный книгами и бумагами, с которыми соседствовали графины, пузырьки с лекарствами и полотняный мешочек с собачьими галетами. К двери в гардеробную примыкал угловой буфет красного дерева. По комнате были расставлены разномастные кресла и другие места для сидения – парочка продавленных кожаных стульев, высокая табуретка с гнутыми ножками, угловатый готический стул, скорее похожий на орудие пытки, и большой мягкий пуф в изножье кровати.

Картины на стенах отсутствовали, лишь над камином висело круглое зеркало в золоченой раме времен королевы Анны. Каминную полку украшали позолоченные часы с эмалевым циферблатом, их поддерживали нимфы и херувимы. По бокам были расставлены фарфоровые фазаны, старинные шахматные фигуры и бронзовые статуэтки лошадей. Ближайший к двери угол заняли высокие напольные часы, и везде, где только можно, были втиснуты столики на тонких ножках с ложками для пунша, табакерками, пресс-папье и фигурками из дрезденского фарфора.

Но не пестрота украшений и мешанина из мебели в бордово-малиново-красных тонах притягивала взор переступавших этот порог. Буйство красок на ковре, закрывавшем почти весь пол, кричащий диссонанс травянисто-зеленых штор и переливчатой синей обивки стульев – все это меркло на фоне адского пламени, которым горело одеяло Пенхаллоу, сшитое из лоскутов атласа, бархата и парчи.

В комнате из всей обстановки выделялась кровать. Глядя на ее массивные формы и антикварный внешний вид, естественно было предположить, что она находится в семье с незапамятных времен. На самом деле Пенхаллоу купил ее на распродаже несколько лет назад. Огромное сооружение из раскрашенного дерева с темно-красным бархатным балда-

хином, потертым и выцветшим от времени. Потолок балдахина был расписан купидонами и гирляндами из роз, а в высокой спинке кровати располагался целый арсенал шкафчиков и выдвижных ящичков. Стоявшее на возвышении ложе было настолько широким, что на нем разместились бы четверо. Но сейчас там возлежал лишь сам Пенхаллоу, со всех сторон обложенный подушками, – грузная развалина с ястребиным носом, торчащим между одутловатыми щеками, злобными глазками, свирепо сверкающими из-под черных кустистых бровей, и надменно сжатым ртом чревоугодника. На огромном животе едва сходилась халат, надетый поверх пижамы. По цветистому великолепию лоскутного одеяла были разбросаны книги, журналы, коробки с сигарами, спичечные коробки, письма и тарелки с фруктами. В ногах устроилась пожилая, благоухающая псиной кокер-спаниельша, такая же тучная, как хозяин. Она имела милую привычку рычать на каждого, кто входил в комнату, и Фейт не стала исключением.

– Молодчина, – похвалил собаку Пенхаллоу.

Закрыв за собой дверь, Фейт подошла к креслу, стоявшему далеко от камина, где на тлеющей куче золы ярко горели поленья. Зола выгребали лишь раз в год, когда в отоплении наступал краткий перерыв. Поэтому уборка пыли в спальне Пенхаллоу требовала поистине геркулесовых усилий, что, впрочем, не смущало его.

– Доброе утро, Адам, – произнесла Фейт, тревожно вглядываясь в его лицо. – Ты плохо спал ночью? Я и сама почти не сомкнула глаз.

По недоброму блеску в глазах и тому, как кривились его толстые губы, Фейт догадалась: Пенхаллоу в дурном расположении духа, что неизбежно следовало за бессонной ночью. Сообразила, что сейчас он будет вымещать свое недовольство на ней, и сердце у нее заколотилось.

– Не сомкнула, говоришь? – язвительно усмехнулся он. – Что же не давало спать твоей глупой голове? Уж точно не заботы о муже. Хороша жenuшка, нечего сказать.

– Я не знала, что ты плохо себя чувствуешь. Иначе обязательно навестила бы тебя.

Пенхаллоу злобно фыркнул:

– Да какой от тебя прок! И как меня угораздило жениться на таком ничтожестве!

Фейт промолчала, и только на щеках выступил лихорадочный румянец. Это не укрылось от ее мужа, и он с удовольствием продолжил:

– Ты трусливая и малодушная бабенка. Полная размазня. Эта кошка, жена Юджина, даст тебе сто очков вперед.

– Не будем ссориться, Адам, – попросила Фейт.

– Моя первая жена разукрасила бы мне физиономию кнутом, посмей я сказать ей нечто подобное. А ты терпишь, как последняя курица.

Она понимала, что муж предпочел бы получить отпор, но это было выше ее сил – она всегда цепенела от страха, когда на нее кричали. И, как водится, ответила невпопад:

– Но я же совсем другая, Адам.

Пенхаллоу расхохотался, подняв голову к расписному потолку балдахина. Смех его, полный злорадства, казался, эхом разносился по комнате. Фейт вцепилась в подлокотники кресла и застыла, залившись краской.

– Другая! – выкрикнул Пенхаллоу. – Кто бы сомневался, черт возьми! Посмотри на ребят Рейчел и своего щенка!

Кровь отхлынула от лица Фейт. Она со страхом взглянула на мужа. Сейчас он доберется и до Клэя.

Пенхаллоу чуть подвинул свою тушу, чтобы лучше видеть жену.

– Похоже, твой драгоценный сынок не слишком преуспел в Кембридже.

У Клэя действительно что-то не ладилось в университете, но он себя ничем не запятнал, а его успехи в учебе раньше никогда не волновали отца.

– Что ты этим хочешь сказать? Я уверена...

– Я хочу сказать, что зря трачу на него деньги! А он попусту теряет время!

– Зачем ты так говоришь, Адам? Разве Клэй в чем-то провинился?

– Черт, до чего же глупа эта женщина! – возмутился Пенхаллоу. – Он провинился в том, что ничего не делает! Не занимается греблей или еще каким-нибудь спортом, не вступает в охотничий клуб и даже не куролесит, как настоящий мужчина. Кисейная барышня, а не парень. Будь я проклят, если позволю ему и дальше дармоедничать, чтобы через пару лет вернуться с дипломом без отличия!

– Что же страшного в том, что он не совсем оправдал наши надежды? – возразила Фейт, собрав все свое мужество для защиты сына. – Ты же сам говорил, что у вас в семье ученость не в чести.

Почувствовав, что сегодня муж как-то по-особому безжалостен к Клэю, Фейт с негодованием воскликнула:

– Можно подумать, что Юджин и Обри сильно отличились в Оксфорде! А к Клэю ты почему-то придираешься!

– Хочешь знать, чем они отличились? Оба они, конечно, прохвосты, но след свой в Оксфорде оставили, будь уверена! – Он ткнул в ее сторону толстым пальцем. – Правда, учение не пошло им на пользу! Набрались там глупостей, только зря деньги на них потратил! Другим моим парням они и в подметки не годятся. Что толку, что Юджин строчит всякий вздор для жалких газетенок и боится ножки промочить, чтобы не подхватить простуду? А для Обри было бы не в пример полезнее, если бы я оставил его здесь и определил к Рэймонду. Барт с Коном, конечно, испортили мне крови, но по мне, так уж лучше здоровые молодые шалопаи, которые наслаждаются жизнью, как им повелела природа, чем эти гнилые умники, с какими якшается Обри!

– Зачем винить Оксфорд в грехах Обри? – возразила Фейт. – Кстати, Клэй совсем не такой. Он хороший мальчик, и я уверена...

По лицу мужа Фейт поняла, что опять говорит что-то не то, и замолчала.

– Клэй – никчемный парень! – отрезал Пенхаллоу. – Ни характера, ни куража, ничего мужского. Весь в тебя, дорогая.

Фейт опустила голову. Черный кот с рваным ухом, свернувшийся в кресле у камина, потянулся и стал вылизываться. Взяв с тарелки яблоко, Пенхаллоу впился в него зубами.

– Я хочу, чтобы он работал у Клифа, – небрежно произнес он.

– У Клифа? Клэй?

– Да, – кивнул ее муж, жуя яблоко.

– Ты этого не сделаешь!

– А что мне помешает?

– Но почему, Адам? Что он такого сделал? Это несправедливо!

– Он ничего не сделал. Именно поэтому я забираю его домой. Ты вбила себе в голову, будто он станет ученым. Поначалу я не возражал. Только вот ученого из него ни черта не получается! Ладно! Тогда для чего ему там торчать? Больше чем на провинциального адвоката он не тянет. Вот и отлично. Клиф согласен взять его к себе.

– Но это не для него! Клэй не захочет! Он собирается стать писателем!

– Писателем? Еще чего! Пусть выкинет эту блажь из головы! Мало мне двух писак в семье? Он будет учиться на юриста у Клифа. – Выплюнув зернышко, Пенхаллоу продолжил: – Жить он станет здесь, и Рэймонд попытается сделать из него человека.

– Клэй терпеть не может сельскую жизнь. Ему лучше жить в городе. Здесь ему плохо, как и мне.

Пенхаллоу приподнялся, и лицо его побагровело.

– Вот еще новости! Он терпеть не может Тревеллин! Ты меня дурачишь? У тебя мало-мало мозгов, дорогая! Или это твои домыслы? Хочешь сказать, что у моего сына хватит наглости заявить мне, что он терпеть не может место, где родился?

Фейт подумала, что вряд ли ее сын когда-нибудь решится на подобное.

– Ты забываешь, что он и мой сын, Адам!

– Помню. А вот мое отцовство под вопросом.

Но оскорбление не достигло цели. Фейт просто пропустила его мимо ушей. Она опять попыталась спасти положение, но, как всегда, не слишком удачно:

– Ты плохо себя чувствуешь сегодня. Давай обсудим это в другой раз.

Бросив огрызок в камин, Пенхаллоу облизнул пальцы.

– Тут и обсуждать нечего. Я уже договорился с Клифом. Все решено.

– Я не позволю! Клэй не будет жить в этом проклятом месте. Хватит и моих мучений. Это несправедливо! Желаете досадить мне? Ты жестокий и бессердечный!

– Раскудаhtалась! А ты подумала, идиотка, что будь у парня хоть капля характера, он бы мне спасибо сказал! Я даю ему надежную крышу над головой и все, о чем может мечтать мужчина! Клэй будет тут охотиться, стрелять, ловить рыбу...

– Но его это не интересует! – заявила Фейт, совершая очередной промах.

– Черт бы тебя подрал с твоим щенком! – крикнул Пенхаллоу. – Ему лучше жить в городе! Ладно, пускай живет! Пусть покажет, на что способен! Пусть поселится в Лондоне и изумляет нас своими гениальными творениями! Пусть пошлет меня к дьяволу и делает что хочет! Я согласен!

Он ударил кулаком по одеялу, опрокинув блюдо с фруктами. Один апельсин упал на пол и покатился по ковру, как маленький оранжевый мячик. Пенхаллоу издевательски прищурился.

– Ну, понравится это твоему сынку?

– Как же Клэй будет жить самостоятельно, если у него нет денег? И потом, он еще несовершеннолетний. Он...

– Если парень чего-то стоит, его это не остановит! Несовершеннолетний! Ему ведь уже девятнадцать? Барт в его возрасте считался лучшим наездником в графстве, травил собаками зверя, был первый в округе задира и махал кулаками, что твоя молотилка! Настоящий мужчина – черт, а не парень! Если я дам ему пинка под зад, он сумеет заработать себе на жизнь! Да и в остальном Барт не промах! Он был моложе твоего молокососа, когда обрюхатил эту сучку, дочку Полперроу!

– Ты хочешь, чтобы Клэй стал таким же, как Барт с Конрадом?

– Да, хочу!

Фейт расплакалась, и в ее всхлипываниях послышались истерические нотки.

– Лучше бы я умерла!

– Лучше, чтобы я умер, – язвительно поправил супруг. – Не дожدهшься, дорогая женушка! Да перестань ты скулить!

Сжавшись в комок, она закрыла лицо руками и зарыдала в голос.

– Ты никогда меня не любил! Ты разбиваешь мне сердце! Безжалостный тиран!

– Прекрати немедленно! – заорал Пенхаллоу, яростно дергая шнур звонка. – Дай мне по роже или воткни нож под ребро, если хватит духу, только не распускай здесь нюни! Достала меня со своим сынком!

Фейт попыталась успокоиться, но слезы лились ручьем, и не было сил остановиться. Она все еще всхлипывала и терла глаза, когда в комнату вошла Марта. Быстрота, с которой та явилась на зов хозяина, свидетельствовала о том, что она подслушивала под дверью.

Отпустив ленту, Пенхаллоу, пыхтя, откинулся на подушки.

– Забери отсюда эту чертову куклу! – велел он. – Не пускайте ее сюда, или я за себя не ручаюсь!

– Вы же сами за ней послали, – невозмутимо произнесла Марта. – Успокойтесь, моя дорогая! Лучше уж уходите, а то его удар хватит. Ну и дела!

При появлении Марты Фейт вскочила с кресла, отчаянно пытаясь унять слезы. Слова Пенхаллоу заставили ее покраснеть от стыда, и она бросилась из комнаты, чуть не налетев в коридоре на Вивьен. Отвернувшись, поспешно прошла мимо. Вивьен не остановила ее. Решительно сдвинув брови, она вошла в спальню Пенхаллоу. Увидев там Марту, Вивьен приказала:

– Выйдите отсюда! Я хочу поговорить с мистером Пенхаллоу.

Это бесцеремонное вторжение не разозлило хозяина. Скорее он обрадовался появлению невестки. Лицо его стало не таким багровым, и, хохотнув, он спросил:

– Зачем пришла, чертова кошка?

– Я скажу вам, когда Марта уйдет, – ответила Вивьен.

Она стояла посередине комнаты спиной к огню, засунув руки в карманы твидового жакета.

– Какого дьявола ты тут распорядишься? – грубо осадил ее Пенхаллоу.

Вивьен вызывающе вытянула нижнюю губу, что позабавило хозяина.

– Я не уйду, пока все вам не выскажу. Не воображайте, будто я вас боюсь. Меня вы до слез не доведете.

– Какова девка! – одобрительно заметил Пенхаллоу. – Сумей ты отличить породистую лошадь от полукровки, я бы, черт возьми, тобой гордился! Выметайся отсюда, Марта! Чего стоишь как дура? Убирайся!

– И не смей подслушивать под дверь, – добавила Вивьен.

Марта тихо рассмеялась:

– И надо же было мистеру Юджину на такой злыдне жениться! Вы тут всех нас перегрызете. – И вышла из комнаты, захлопнув за собой дверь.

Спаниельша, встретившая Вивьен обычным ворчанием, спрыгнула с кровати и, громко пыхтя, развалилась на полу рядом с камином. Кот, прервав свое занятие, пристально посмотрел на нее, после чего стал снова вылизывать шерсть.

Перебросив на стол бухгалтерские книги и бумаги, валявшиеся на кровати, Пенхаллоу распорядился:

– Налей-ка мне выпить. И себе тоже.

– Утром я не пью и вам не советую, раз у вас водянка.

– Ну и нахалка! – восхитился Пенхаллоу. – А тебе какое дело? Ставлю последний шиллинг, что ты только обрадуешься, если я загнусь!

Вивьен пожала плечами:

– Мне, конечно, безразлично, но если у вас опять разыграется подагра, то отравите всем нам существование. Чего вам налить?

– Стаканчик кларета. Мужчинам он только на пользу. Мой дед в старости ничего другого не признавал, а прожил до восьмидесяти пяти лет. Бутылка в угловом буфете. Принеси сюда.

Вивьен принесла бутылку и стакан и, поставив их на стол, отошла на прежние позиции. Пенхаллоу с трудом дотянулся до бутылки, притворно ворча на невестку, и сам налил себе стакан. Осушив его, он налил еще и, удобно расположившись на подушках, приготовился слушать.

– Ну, что там у тебя стряслось? Видимо, мало я сегодня бабских глупостей наслушался.

– Вы просто невоспитанный грубиян, – заявила Вивьен, презрительно взглянув на него. – Измываетесь над Фейт, а она не может дать вам отпор. Нашли бы кого-нибудь посмелее.

– Так и сделаю. Начну с тебя, раз уж сама нарываешься. Ты тоже вечно всем недовольна. Испорченная, избалованная девка, вот ты кто!

– Избалованная? В этом-то доме? Да вы здесь никого за людей не считаете! Вот поэтому я и пришла. У меня нет сил все это терпеть. Я тут чужая и никогда не стану своей. Я намерена уехать.

– Что же тебя останавливает?

– Вы! Вы прекрасно знаете, что я не оставлю Юджина.

Пенхаллоу с усмешкой приложился к стакану.

– Он сам себе хозяин. Почему же ты не уговоришь его уехать, раз уж тебе невтерпеж? Вивьен почувствовала, что ей все труднее сдерживать свой гнев.

– У Юджина слабое здоровье, и он не сможет самостоятельно зарабатывать на жизнь.

Он так и не оправился от болезни.

– Притворяется! Уж я-то его знаю! Всегда был лентяем, таким и останется! Ты слишком с ним носишься, дорогая. А зачем вы приехали сюда, раз здесь так плохо?

– Я не предполагала, что мы здесь застрянем!

– Ну и дура! Юджин тут прекрасно устроился. Ты вряд ли сдвинешь его с места.

– Но ведь он жил в другом месте, когда я выходила за него замуж!

– Да, пытался расправить крылышки. Но я всегда знал, что он вернется. Ничего не имею против.

Вивьен исподлобья взглянула на него. Ее прямые низкие брови придавали ей нахмуренный вид.

– Зачем вы нас здесь держите?

– А что еще с вами делать?

– Жажда власти? Вам нравится держать всех на поводке. Но со мной у вас этот номер не пройдет!

Пенхаллоу усмехнулся:

– Разве? Тогда постарайся уговорить Юджина. Хочешь от меня избавиться? Попробуй! Думаю, тебе и дальше придется плясать под мою дудку, крошка.

Вивьен прикусила губу, стараясь сохранить самообладание. Чуть помолчав, она проговорила:

– Если вы считаете, что Юджин лентяй, дайте ему возможность проявить себя...

– Господь с тобой, милая! Я никогда не делаю того, что должен. Разве ты не поняла?

Пропустив его замечание, Вивьен продолжила:

– В конце концов, я имею право на свой дом. Заставлять меня жить вместе с кучей родственников по меньшей мере непорядочно!

– Порядочно, непорядочно! – раздраженно бросил Пенхаллоу. – Все вы бабы одинаковы, мычите про какую-то там порядочность! Скажи спасибо, что живешь как в раю и забот не знаешь. Разве твой Юджин сможет содержать тебя? Давайте попробуйте!

– Лучше уж голодать, чем жить тут!

Пенхаллоу расхохотался.

– Голодать? Да вас и на месяц не хватит! Приползете обратно, поджав хвосты!

– Почему бы вам не выделить Юджину небольшое содержание? Это будет не дороже, чем держать нас здесь.

– Не хочу, и точка.

Вивьен сжала кулаки в карманах жакета, так что ногти впились в ладонь.

– Думаете, одолели меня? Ошибаетесь. Я не отступлю. Все равно вырву Юджина из ваших когтей и увезу отсюда. У вас же есть Рэймонд, и Ингрэм, и близнецы. Зачем вам мой муж? Он принадлежит мне!

Пенхаллоу махнул заросшей волосами рукой. Такой же волосатой была и его грудь, видневшаяся под расстегнутой пижамой.

– Ну так забирай его – но только не надейся, что я буду вас содержать. Совсем обнаг-лела!

Наступив на самолюбие, Вивьен с трудом выдавила:

– Как я могу забрать его, когда вы делаете все, чтобы он остался. У нас мало денег, и Юджин предпочитает идти по пути наименьшего сопротивления. Но если бы вы выделили ему содержание, совсем небольшое, чтобы мы могли снять квартиру в городе и жить с комфортом, я... была бы вам очень признательна!

Пенхаллоу осклабился, намекая, что наслаждается ее унижением. Он в третий раз наполнил стакан.

– Нужна мне твоя признательность! Мне гораздо приятнее держать тебя на цепи, моя девочка. Я ведь не лишен чувства юмора, и мне нравится смотреть на твои прыжки и гримасы. Думаешь, если я свалился, то уже ни на что не гожусь? Посмей только высунуться, и тогда увидишь, кто здесь хозяин!

– Господи, как же я вас ненавижу! – воскликнула Вивьен.

– Знаю, милая. Но сна я из-за этого не лишусь. Меня в жизни многие ненавидели, но никому еще не удалось взять надо мной верх.

– Надеюсь, пьянство сведет вас в могилу! Я еще спляшу на ваших похоронах!

– Вот это девка! Воспитание у тебя, черт побери, подкачало, есть над чем поработать, но характер что надо. Ну давай, давай! Вскинь головку, покажи зубки! Люблю, когда ты злишься. Буду держать тебя здесь для развлечения. Жизнь у меня довольно скучная, сама видишь. А твой яд вносит в нее остроту.

– А вот я возьму над вами верх! Вы продержите тут Юджина, пока он окончательно не выдохнется! Вам наплевать на нас обоих! Только о себе думаете! Всю жизнь тираните сыновей и эту дурочку, свою жену, которую вы полностью подмяли. Но предупреждаю: искалечить мою жизнь я вам не позволю!

– Ну так за чем дело стало? У тебя же есть когти. Давай вцепись мне в физиономию!

Вивьен не успела ответить. Раздался осторожный стук в дверь, и в комнату вошел ее муж.

Юджин, третий сын Пенхаллоу, тридцати пяти лет, был копией своего брата Ингрэма, но в более утонченном варианте. Бледный, как часто бывает с брүнетами, и медлительный. Считалось, что у него слабое здоровье, что позволяло ему уклоняться от любых неприятных для него занятий и не мешало регулярно выезжать на охоту в сопровождении своры гончих. Юджин виртуозно избегал любых проблем, которые могли грозить его комфорту, и за милую душу избегал их приближение. Увидев Вивьен, воинственно застывшую у камина, он в нерешительности затоптался у порога.

Заметив это, его отец с иронией произнес:

– Не убегай, Юджин! Посмотришь, как твоя жена вцепится мне в глаза!

У Юджина была потрясающе обаятельная улыбка. Он подарил ее Вивьен, намекая, что сочувствует и готов заключить жену в объятия. Вивьен немедленно растаяла, и ее захлестнули нежные чувства, которые после шести лет брака ничуть не ослабели. Губы задрожали, и она подалась к мужу. Он обнял жену за плечи.

– Что случилось, золотко?

– Не важно.

В горле у нее все еще стоял ком, и слова эти прозвучали печально. Робко улыбнувшись, она сжала его руку и выбежала из комнаты.

Юджин не стал выяснять, что так расстроило жену. Опустившись в кресло у камина, он заметил:

– Это самая теплая комната в доме. Тебе разве не говорили, что вино для тебя вредно? Тогда я скажу.

– Лучше налей себе стаканчик. Уж полезнее, чем та дрянь, которой травят тебя доктора.

– Увы, я не унаследовал твоего могучего желудка, – промолвил Юджин, протягивая длинные ноги к камину. – Отец, нам нужно поставить в доме батареи. Очень холодно.

– Пока я жив, здесь все будет по-старому. Вот помру, тогда можешь хоть весь дом вверх дном перевернуть. Ты зачем пришел? Соскучился?

– Мне приятно поболтать с тобой. И комната эта нравится. Она, конечно, чудовищно обставлена, а дрезденский фарфор – явная подделка, хотя ты вряд ли поверишь мне на слово, но в ней какая-то особая атмосфера – надеюсь, ее создает не твоя объевшаяся собака.

– Мы с ней оба старые и толстые, – усмехнулся Пенхаллоу.

– Но ты хотя бы не благоухаешь, – пробормотал Юджин, поглаживая спаниельшу мыском щегольского ботинка. Потом он повернулся к отцу и, слегка подняв бровь, спросил: – Ты действительно хочешь забрать Клэя из Кембриджа?

– Фейт уже успела поплакаться тебе в жилетку? Да, хочу.

– Не скажу, что она «плакалась», хотя это близко к истине. Вероятно, она была сильно расстроена, иначе не стала бы изливать свое горе человеку, которого недолюбливает, хотя не понимаю почему – я всегда к ней хорошо относился. Правда, я терпеть не могу чужие жалобы. К тому же у нее расстроены нервы, что тоже не располагает к общению. Вот я и пришел обсудить проблему с тобой. Она говорит, что ты хочешь отдать Клэя на выучку к Клифу?

– На большее он не способен. В Кембридже ничего не добьется, даже если проторчит там всю жизнь.

– Согласен. Хотя и вреда особого нет. Смею предположить, что дело тут в его характере.

– Временами мне кажется, будто этот червяк не мой сын!

– Ну что ты, отец! – возразил Юджин, сверкнув своей неотразимой улыбкой. – Конечно, я далек от всякой критики, но Фейт слишком вялая для подобного рода приключений. Но так ли нужен нам Клэй в Тревеллине?

– Придется вам с ним поладить.

– О, это будет нетрудно! Не представляю, как он может помешать мне. Но вот Рэймонд вряд ли обрадуется.

– Он пока здесь не хозяин, – враждебно заявил Пенхаллоу.

– Слава богу, нет! Будь это так, я бы здесь и дня не остался. Рэймонд очень правильный и скучный. Но ведь есть еще Клиф.

– А что с ним такое? Он чертов зануда, но живет самостоятельно.

– Я не об этом. Просто мне интересно, как ты заставишь беднягу взяться за Клэя? Есть предел даже его добродушию. Или нет?

– Мой племянник Клиф будет делать то, что я ему велю. Он ведь не захочет, чтобы я выставил его мать из Тревеллина. Его заносчивая женушка вряд ли это потерпит.

– Ну, ты сущий дьявол, – усмехнулся Юджин. – Бедный старина Клиф!

Глава 4

Если бы Фейт нашла Лавди, то бросилась бы ей на грудь, чтобы излить свое горе и услышать слова утешения, столь необходимые измученной душе. Но первый, кого она встретила, выйдя от Пенхаллоу, был Юджин, и Фейт, потерявшая голову от свалившегося на нее несчастья, стала жаловаться ему на бесчеловечность отца, забыв, что всегда не любила этого позера и боялась его колких замечаний. Однако он быстро ускользнул от ее излияний, а Вивьен, проходившая через холл к главному входу, бестактно отмахнулась, заявив, что идет на реку и не намерена ни с кем болтать.

Фейт поднялась в свою комнату и позвонила в звонок. На зов явилась одна из горничных и сообщила, что Лавди пошла в деревню за нитками. Фейт была слишком занята своими переживаниями, чтобы обратить внимание на странность подобного вояжа в начале дня. Отпустив горничную, следующие двадцать минут она предавалась горестным размышлениям о своей несчастной судьбе, деспотизме Пенхаллоу и его беспричинной жестокости к Клэю. Этим нехитрым способом Фейт ввергла себя в пучину отчаяния, где ей в одиночку предстояло сражаться с целым миром. Ей срочно требовался союзник. Взвинченные нервы взывали к решительным действиям, и, пометавшись по комнате, она решила выпустить пар, поехав в Лискерд, где жил Клиффорд Гастингс.

Поскольку до Лискерда было семь миль, а водить машину Фейт так и не научилась, ее порыв требовал услуг водителя. Казалось бы, в доме, изобиловавшем слугами, наличие шофера было чем-то само собой разумеющимся, но, несмотря на многочисленных конюхов и их подручных, садовников и мальчишек на побегушках, официального водителя в усадьбе не имелось. Семейство Пенхаллоу презирало автомобили, и хотя Рэймонд частенько ездил в отдаленные уголки поместья на старом разбитом автомобиле, а Конрад посещал свою бодминскую контору на модной спортивной машине, никто из домочадцев не садился за руль по своей воле. Для дам и встречи гостей на вокзале держали допотопный кабриолет с открытым верхом, его водил помощник садовника, разбиравшийся в механике, или Ублюдок Джимми. А если оба были заняты, то один из конюхов. Тот всегда был рад услужить, но не умел переключать передачи, в результате чего машина вечно глохла на подъеме.

К счастью для Фейт, которая терпеть не могла Джимми и скорее отказалась бы от поездки, чем стала прибегать к его услугам, младший садовник как раз засаживал клумбу перед домом и потому был легкодоступен. Надев плащ поверх рабочей одежды и натянув фуражку, он быстро преобразился в шофера и после дружеской пикировки с главным садовником, который, впрочем, быстро смирился с подобным уклонением от работы, отправился в гараж за кабриолетом.

Путь из Тревеллина в Лискерд тянулся вниз по холму и дальше через долину Фовей. Кабриолет тяжело выполз из ворот и затарахтел по узкой дороге, минуя Дауэр-Хаус, где жил Ингрэм Пенхаллоу со своей острой на язычок женой Майрой и двумя сыновьями, Рудольфом и Бертрамом, амбициями не слишком отличившимися от их молодых дядьев, но, к счастью для всех, их отправили в респектабельную частную школу в нескольких сотнях миль от Тревеллина. Красота открывшегося взору пейзажа не занимала Фейт. Она лихорадочно обдумывала, что скажет племяннику мужа. Да и пейзаж успел ей изрядно надоесть. Она была настолько погружена в свои мысли, что не заметила жену викария, миссис Венгрин, выходящую из сельской лавки и поздоровавшуюся с ней. Миссис Венгрин была женщиной с принципами и редко переступала порог нечестивого жилища Пенхаллоу. Однако Фейт она жалела за загубленную жизнь и иногда приглашала на чай. Ее супруг, благодушный джентльмен, не чуравшийся при случае стаканчика вина и весьма ценивший щедрые пожертвования, которыми Пенхаллоу одарял местный приход, придерживался более прогрессивных взгля-

дов и был не прочь посетить своего эксцентричного прихожанина. Второй священник прихода, Саймон Уэллс, тощий и суровый уроженец Центральной Англии, полагал, что викарий, стремясь сохранить душевное спокойствие, на многое закрывает глаза. Сам он не считал возможным пользоваться гостеприимством этого семейства и при удобном случае яростно порицал его пороки. Но поскольку он держался в тени и не читал проповедей, Пенхаллоу вряд ли подозревали о его существовании и нелестных отзывах в свой адрес.

Наконец кабриолет добрался до Лискерда и, проехав между рядами домов в георгианском стиле, остановился на рыночной площади рядом с домом со скромной латунной табличкой «Блейзи, Блейзи, Гастингс и Уэмберли». Впрочем, сведения эти изрядно устарели, поскольку старший Блейзи давно скончался, младший отошел от дел, а Уэмберли в силу пошатнувшегося здоровья вел лишь самые простые дела, связанные с управлением имуществом по доверенности.

По существу, хозяином конторы являлся мистер Гастингс, к которому и провели Фейт после недолгого ожидания в приемной в обществе пообтрепанного клерка и всклокоченного юнца с не по годам потухшим взором.

Клиффорд Гастингс был одного возраста со своим кузеном Рэймондом, но благодаря круглому румяному лицу выглядел моложе. Он был не похож на свою мать, и, кроме любви к охоте и слабости к хорошеньким женщинам, ничем не походил на своих родственников.

Когда Фейт вошла, он поднялся из-за заваленного бумагами стола с целой коллекцией ручек, чернилниц, пресс-папье, перочисток и карандашей и шагнул ей навстречу, чтобы пожать руку. Он был на редкость доброжелателен и всегда оказывал родственникам самый дружеский прием.

– Привет, Фейт! Какой приятный сюрприз! Как дела, дорогая? Как там дядя Адам? А моя матушка? Надеюсь, она в добром здравии? Садитесь и рассказывайте все новости!

Не желая терять время на пустой обмен любезностями, Фейт немедленно перешла к делу.

– Клиф, умоляю, помоги мне!

Он вернулся за свой стол. По его лицу пробежала тень беспокойства. Несмотря на всю свою доброту, Клиф, как и все его близкие, предпочитал держаться подальше от чужих несчастий. Однако, сложив руки на пресс-папье, он бодро заявил:

– Какой вопрос, я сделаю все, что в моих силах! А что случилось?

Фейт выпрямилась на стуле, нервно теребя сумочку.

– Это касается Клэя, – чуть слышно произнесла она.

Лицо Клифа посерьезнело. Он стал рассеянно переставлять предметы на столе.

– Ах Клэя! Да, конечно! Кстати, дядюшка Адам посылал за мной пару дней назад, чтобы потолковать о нем.

– Знаю, – кивнула она. – Он сообщил мне сегодня. Клиф, прошу тебя, не бери его. Скажи, что ты не согласен!

Клиф понял, что ему предстоит неприятный разговор.

– Да, но, видите ли, Фейт...

– Адам, вероятно, будет платить за него, но для тебя это так мало значит! Я не в курсе, как это делается, но...

– Его отдадут ко мне в обучение по контракту, – начал объяснять Клиф, стараясь уйти в сторону от главной темы беседы. – И я не сомневаюсь, что он...

– Клэй терпеть не может данное занятие! – воскликнула Фейт. – Адам никогда не любил Клэя и затеял все это, чтобы лишний раз досадить мне! Клэй хочет стать писателем!

– Но что же ему помешает, раз у него есть способности? Пусть сочиняет в свободное от работы время.

– Нет, ты не понимаешь! Сидеть в душной конторе, корпя над ужасными делами! Да это просто погубит мальчика. Подобное не для него.

Клиф растерялся. Он был на двадцать лет старше Клэя и плохо знал его, однако не мог предположить, что тот настолько горяч, что его нельзя держать в закрытом помещении. Он попытался робко возразить:

– Здесь не так уж плохо! Гораздо лучше, чем в Лондоне. Для сельского парня тяжело вато жить целый год в городе. Посмотрите на меня! Я не так свободен, как мои кузены, но все же нахожу время, чтобы поохотиться и поудить рыбу. Кроме того...

– Клэй не интересуется спортом. Ему нравится жить в Лондоне. Он артистическая натура и не вынесет, если его прикуют к конторке!

Клиффорд и сам чувствовал, что подобный молодой человек вряд ли будет полезен фирме «Блейзи, Блейзи, Гастингс и Уэмберли», но виду не подал, ограничившись кратким замечанием:

– Да, понимаю.

– Я вообще не хочу, чтобы он стал стряпчим, – продолжила Фейт. – Или даже адвокатом. Во-первых, это не его призвание, а во-вторых, я не потерплю, чтобы мой сын защищал преступников.

Такое странное представление о юристах озадачило Клиффорда, но поскольку Клэя не собирались готовить к карьере судебного адвоката, вряд ли следовало терять время, выводя из заблуждения его мать, чисто по-женски считавшую, будто адвокаты лишь вызволяют из-за решетки кровавых злодеев. Ведь адвокаты занимаются не только криминальным миром и не выносят решения о виновности своих подзащитных. Однако все эти соображения он оставил при себе, заметив:

– Данная работа вовсе не так плоха. В любом случае дядя Адам...

– Адам только и думает, чтобы сделать мне больно! – истерически воскликнула Фейт, заставив Клиффорда беспокойно заерзать на стуле. – Сегодня утром я с ним говорила и наслушалась такого, что просто невозможно передать. Иногда мне кажется, будто он потерял разум! Адам сказал, что договорился с тобой, и я решила, что ты моя последняя надежда. Теперь ты знаешь, что Клэй не хочет быть адвокатом, так зачем тебе брать его к себе? В конце концов, ты от Адама никак не зависишь! Если откажешься, он тебе ничего не сможет сделать, лишь позлится немного, и все.

Клиффорд постучал по крышке чернильницы. Лицо его омрачилось. После всего услышанного у него пропало всякое желание брать Клэя к себе в контору, однако он не мог отказать дяде, и на то имелись веские причины. Но как объяснить Фейт, что, несмотря на всю его любовь к овдовевшей матери, он будет отнюдь не в восторге, если Клару выставят из Тревеллина и она окажется у него на шее, поскольку ее собственные средства крайне незначительны. Сам Клиффорд был любящим и почтительным сыном, но он был женат на даме, которая не потерпит в своем доме столь эксцентричную особу, как ее свекровь. К тому же им пришлось бы ограничить себя в расходах, чтобы содержать Клару. А ведь сейчас не лучшие времена, да и три подрастающие дочери – двенадцати, десяти и семи лет – требуют достойного воспитания, которое просто невозможно без дорогостоящих уроков верховой езды, танцев и музыки. Отец Клиффорда умер, когда тот еще учился в школе, и его матери пришлось вернуться в отчий дом, где она ни в чем не нуждалась. Все каникулы Клиф проводил в Тревеллине, и своим теперешним положением в солидной адвокатской конторе тоже обязан дяде. Уже одно это обстоятельство взывало к его чувству благодарности, а нежелание увеличивать число домочадцев укрепляло в принятом решении. Клиффорд уже пожалел, что принял у себя Фейт. Он не представлял, как говорить с ней на столь деликатную тему без риска прослыть черствым и неблагодарным сыном.

Покашляв, он начал выводить узоры на промокашке.

– Послушайте, Фейт, ведь Клэй должен чем-то заниматься! Если он будет работать у меня, то сможет жить дома. Разве вам этого не хочется?

Ее глаза наполнились слезами.

– Только не в такой обстановке! Он терпеть не может этот дом. С отцом они не ладят, а сводные братья приводят его в ужас. Те не способны понять, что существуют более чувствительные натуры, чем они сами. Всю жизнь я страдала от их грубости и не допущу, чтобы Клэя принесли в жертву.

Разговор перешел на возвышенные материи, в которых Клифф, человек вполне земной, разбирался слабо. Он примирительно произнес:

– Хорошо, пусть попробует, а если ему не понравится, найдем ему другое занятие.

– Плохо же ты знаешь Адама, если думаешь, что он его отпустит! – воскликнула Фейт.

– Ну, всякое может случиться. Не нужно заранее расстраиваться...

– Ты хочешь сказать, что Адам может умереть? Нет, не надейся. Он еще до ста лет проживет и все это время станет нас мучить! Его дед умер, когда ему было за восемьдесят, а болезней у него было побольше, чем у Адама.

– Ну полно вам, Фейт, – промолвил Клифф, шокированный подобной откровенностью.

Она ударилась в слезы.

– О, я понимаю, что не должна так говорить, но знал бы ты, что мне приходится терпеть! Я просто дошла до точки, Клифф! Я и дальше готова терпеть, если Клэй останется в Лондоне, подальше от отца. Но если его загонят в глушь и заставят заниматься ненавистным делом, я за себя не ручаюсь!

Клиффорд смутился и стал прикидывать, насколько хорошо их слышат клерки в приемной. Казалось, звуки рыдания Фейт с легкостью проникают сквозь стены. Он сочувственно забормотал что-то, и Фейт стала успокаиваться.

– Забрать его из университета без всякой видимой причины! – всхлипывала она, прикладывая платок к покрасневшим глазам. – Несправедливо!

– Да, возможно, это ошибка, – кивнул Клиффорд, пытаясь утешить ее. – Я попытаюсь уговорить дядю Адама, чтобы он дал Клэю доучиться. Вероятно, он и передумает.

– Никогда, – с несчастным видом, но уже значительно тише произнесла Фейт. – Да он и слушать тебя не станет.

Клиффорд и сам это знал, но предпочел промолчать. Взглянув на часы, он притворно удивился такому позднему часу и со свойственной ему добротой предложил Фейт остаться и пообедать у него дома.

– Розамунда никогда не простит мне, если вы уедете, не повидавшись с ней, – покривил душой Клифф. – И вы уже сто лет не видели наших девочек! Продолжим наш разговор после обеда. Жаль, что в Тревеллине нет телефона, но, надеюсь, там не будут волноваться, если вы не вернетесь к обеду?

– Никто в Тревеллине даже не заметит, если я вообще там не появлюсь, – трагически заявила Фейт, доставая из сумочки пудреницу. – Мне бы не хотелось утруждать Розамунду, но вырваться из Тревеллина хоть ненадолго – это праздник.

– Вот и отлично! – обрадовался Клиффорд, неловко потрепав ее по плечу. – Все не так уж плохо, Фейт. Мне надо здесь кое-что закончить, а вы идите к нам и поболтайте пока с Розамундой. Я присоединюсь к вам буквально через несколько минут. Может, что-нибудь придумаю.

Фейт не любила Розамунду, считая ее холодной и черствой гордячкой, однако сейчас готова была делиться своим горем с кем угодно. Выйдя на улицу, она села в кабриолет и велела водителю ехать в Лорел. Младший садовник явно обрадовался, и через мгновение они уже катили по дороге.

Лорел, аккуратный особнячок в георгианском стиле, располагался на окраине города, и Клиффорд успел предупредить жену об ожидающем ее испытании. Розамунда, считавшая Фейт наименьшим злом в семействе Пенхаллоу, восприняла известие со свойственным ей хладнокровием и, отдав необходимые распоряжения прислуге, стала ждать родственницу.

В холле Фейт встретила опрятная горничная, непохожая на чумазных служанок в Тревеллине, и провела ее в гостиную в задней части дома. Большая комната, выходящая в сад, была обставлена безлико, но вполне пристойно. На полу лежал ворсистый ковер нейтральных тонов, на нем стоял низкий чайный столик из грецкого ореха. У облицованного изразцами камина был размещен потемневший каминный прибор. Мягкий пуфик, похожий на деревенский каравай, был обшит кретоном в цветочек; той же расцветки оказались чехлы на стульях, диване и занавески на эркерном окне. Непротязательные картины в одинаковых рамах служили лишь украшением стен, не привлекая к себе особого внимания. На длинной плетеной скамеечке перед камином были аккуратно сложены иллюстрированные журналы, а на полукруглом столике у стены красовалась пара подставок в виде китайских собачек, на которых стояли взятые из местной библиотеки книги. Все в этой комнате было новым и содержалось в порядке. Картины висели строго симметрично, а предметы гармонировали друг с другом. Нигде не было следов пыли, ковер был новеньким и непотертым, никаких кричащих расцветок и груды безделушек на каминной полке, продавленных стульев, и жуткого диссонанса викторианских шифоньеров со стульями. Розамунда вообще не держала в доме викторианскую мебель.

Фейт здесь очень нравилось, она терпеть не могла безвкусную обстановку Тревеллина и завидовала Розамунде, у которой был чистый ухоженный дом с множеством облегчающих жизнь мелочей и красивой, хоть и недорогой мебелью. Оглядывая гостиную, где так удачно сочетались коричневые и кремовые тона, она отметила хороший вкус Розамунды и с грустью подумала, что оказалась она на ее месте, у нее получилось бы не хуже.

Она все еще разглядывала обстановку, когда в гостиную вошла Розамунда Гастингс, эффектная женщина с льдисто-голубыми глазами и копной светлых завитых волос. Она была в прекрасно сшитом сером фланелевом костюме со светло-желтой блузкой, туфлях-лодочках и тонких шелковых чулках. Розамунда была на пять лет моложе Фейт, но в ней чувствовалось гораздо больше уверенности в себе. Хорошая, хотя и несколько холодная, жена, превосходная мать и отличная хозяйка дома, которая никогда не забывала заказать у торговцев херес или предложить своим гостям на выбор индийский или китайский чай.

Сейчас она радушно приветствовала гостью, протянув ей руку с безупречным маникюром. Дамы расцеловались, и Розамунда усадила Фейт в кресло. Сама она опустилась на диван и вежливо поинтересовалась здоровьем членов семьи Пенхаллоу. В комнату вошла чистенькая горничная с серебряным подносом, на нем стоял хрустальный графин и три стакана для хереса. Девушка поставила поднос на низкий столик рядом с хозяйкой, и Фейт с тоской отметила, что поднос сверкает, как зеркало, а стаканы и графин составляют единый ансамбль.

– Как же мы давно не виделись, – сказала Розамунда. – Расскажите, как у вас дела? Выпьете хереса?

Взяв стакан и осведомившись о здоровье хозяйских дочек, Фейт приготовилась изливать душу.

Розамунда молча слушала, никого не критикуя и ничего не советуя. На самом деле все это ее совершенно не интересовало. Родственников мужа она не любила и не одобряла их поведения. Их беспутства оскорбляли ее чувство приличия, и Розамунда сожалела, что работа мужа вынуждает их жить близко от Тревеллина. Она не возражала, чтобы муж общался с кузенами, но сама приезжала в Тревеллин не чаще, чем того требовал этикет. Ей было известно об обстоятельствах, вынудивших Клиффорда взять Клэя на выучку, и хотя ее

возмущала бесцеремонность, с какой этого молодца впахнули в контору мужа, вторжение Клары в ее образцовое жилище Розамунда сочла бы катастрофой. Она никогда не позволяла себе нелестно отзываться о свекрови, но в душе считала ее невыносимой старухой, эксцентричной, неряшливой и способной необдуманном баловством порушить всю систему воспитания своих внушек.

В общем, ожидать поддержки от Розамунды не приходилось. Тем не менее она терпеливо выслушала взволнованный рассказ Фейт об утренней беседе с мужем и искренне согласилась, что тот ведет себя возмутительно. Даже пренебрежительные отзывы о роде занятий Клиффорда не заставили ее измениться в лице. Розамунда лишь слегка подняла брови, услышав, что Клэй слишком умен, чтобы заниматься юриспруденцией.

Клиф явился в половине второго, но надежда Фейт продолжить разговор на волнующую ее тему исчезла, когда горничная объявила, что обед подан.

– Вы знаете дорогу, – улынулась Розамунда, и Фейт поплелась в столовую.

Там их уже ждали Изабель, Дафна и Моника, и вести при них приватные беседы было нельзя. Девочки, ходившие в городскую школу, были одеты совершенно одинаково и во всем походили на мать. Прекрасно воспитанные, они с готовностью отвечали на заданные им вопросы и весело болтали о своих школьных делах, пока Розамунда жестом не остановила их. Клиффорд, который очень гордился дочерьми, стал задавать им наводящие вопросы, чтобы продемонстрировать их незаурядные способности. Было ясно, что пока они здесь, Фейт вряд ли уделят внимание. Когда же Клиф, взглянув на часы, воскликнул, что у него важная встреча и он уже опаздывает, Фейт поняла, что обсуждать будущее Клэя он больше не намерен. Пробормотав извинения, Клиф быстро ушел. Дамы вернулись в гостиную, где подали кофе. Розамунда стала рассказывать, что говорила учительница музыки об успехах Изабель, как прекрасно танцует Моника, а Дафну ставят в пример ученикам. Фейт хвалила Розамунду за то, как та воспитывает детей и содержит дом, и поражалась, как в наше время она ухитряется находить вышколенных слуг. За этими необязательными разговорами миновал час, после чего Фейт сказала, что ей пора домой. Розамунда, которая собиралась к знакомым на партию в бридж, не стала задерживать ее. Младшего садовника вызвали с кухни, где он развлекал повара и горничных рассказами о житье в Тревеллине, и Фейт, распрощавшись с хозяйкой, села в кабриолет и отправилась домой.

Глава 5

Рабочий день Рэймонда начинался очень рано, поскольку кроме поместья под его началом были конюшни и небольшой конезавод. Хотя там трудились отличные конюхи, он не считал возможным пускать на самотек столь ответственное дело, как чистка, кормление и выгул лошадей. Ни один конюх, пытающийся вычесывать лошадь щеткой или наводить на нее блеск посредством лошадиных доз мышьяка, не имел шансов укрыться от всевидящего ока хозяина. Рэймонд имел скверную привычку появляться в конюшнях в самый неподходящий момент и моментально обнаруживать любые огрехи и нарушения. Его уважали, но не любили. Среди работников он слыл человеком, которого бесполезно водить за нос.

Его братья, Ингрэм и Барт, тоже пытались заниматься лошадьми. В свое время Ингрэм сумел убедить отца, что им следует заняться коневодством, чтобы немного подлатать пошатнувшиеся финансы, тем более что условия в Тревеллине были просто идеальные. Но воплотил идею в жизнь не Ингрэм, а Рэймонд. Благодаря его настойчивым усилиям и здравому смыслу старые ветхие конюшни с их сеновалами, высокими яслями и покатыми стойлами снесли и на их месте возвели современные четырехугольные постройки с внутренним двором. Именно Рэймонд с его практическим умом отверг бредовую идею Барта разводить скаковых лошадей. Благодаря его острому глазу в конюшни Тревеллина почти не попадали больные и бракованные лошади. Даже старик Пенхаллоу, который не слишком жаловал Рэймонда, был вынужден признать его умение безошибочно оценивать лошадь и в спорных случаях всегда вставал на его сторону.

Рэймонд и Ингрэм были погодками. Брюнеты с орлиным профилем и отцовскими серыми пронизывающими глазами, но Ингрэм был на полголовы выше, что его весьма огорчало, поскольку ограничивало выбор лошадей, на которых он мог ездить на охоту. Братья выросли в одной детской, ходили в одну школу, имели одинаковые вкусы и интересы, но никогда и ни в чем не соглашались друг с другом. В детстве бесконечно дрались, а став постарше, не упускали случая поставить друг другу палки в колеса. Сейчас они сохраняли вооруженный нейтралитет, но были постоянно начеку, чтобы в случае чего немедленно пресечь любые попытки противника посягнуть на свои неприкосновенные права и прерогативы. Первая мировая война оставила Ингрэма с несгибающимся коленом. Он служил в кавалерийском полку, его наградили Военным крестом. Рэймонд же был освобожден от военной службы, поскольку защищал национальные интересы, снабжая продовольствием страну.

После войны Ингрэм, в один из отпусков женившийся на девушке из Девоншира, осел в Дауэр-Хаусе, где жил на пособие, полагавшееся после увольнения из армии, и проценты с небольшого капитала, оставленного матерью. Он был любимчиком отца, тот безропотно оплачивал все его расходы, будь то операция по удалению аппендицита у Майры, обучение Рудольфа и Бертрана, содержание полудюжины лошадей для охоты или строительство гаража. Это расточительство раздражало Рэймонда, как и то, что Ингрэму досталось все материнское наследство. На любой сторонний взгляд это было вполне справедливо – ведь поместье должен был унаследовать Рэймонд, но то, что мать даже не упомянула сына в своем завещании, больно задевало его.

Он был единственным из братьев, кто родился не в Тревеллине, хотя горячо любил здесь каждый камень и каждую травинку. Но даже Ингрэм, знавший все его слабые места, не догадывался о том, как горько Рэймонд переживал данное обстоятельство. Вся его натура восставала против несправедливости. После свадьбы Пенхаллоу повез жену в длительное свадебное путешествие. С ними поехала ее горничная Марта и сестра Делия. Рэймонд попал в дом своих предков уже трехмесячным ребенком. А вот Ингрэм, Юджин, Чармин, Обри,

близнецы и даже Клэй появились на свет в большой комнате рядом с главной лестницей, выходившей окнами на долину Фовей.

Рэймонд был капризным и упрямым ребенком, из которого вырос замкнутый молодой человек, обещавший в старости превратиться в эксцентричного чудака. Все его интересы были сосредоточены в границах Тревеллина, и поскольку родители его не слишком любили, он рано обрел самостоятельность и привычку держать свои мысли при себе. Братья побаивались Рэймонда, а отец, узнавая в нем свой упрямый нрав, уважал сына. Правда, его раздражали здравый смысл и прозаичность Рэймонда, так сильно отличавшиеся от его буйной сумасбродности. Поскольку Пенхаллоу не собирался выпускать бразды правления из своих рук, они были вынуждены постоянно встречаться, что явно не шло на пользу их отношениям. Отец называл Рэймонда скупердяем с душой лавочника, а тот с горечью повторял, что если папашу не обуздать, поместье придет в упадок еще до того, как попадет в более надежные руки.

Но обуздать Пенхаллоу не было никакой возможности. Несмотря на всю свою эксцентричность, он пребывал в здравом уме. Его ближайший сосед, старый Джон Пробас, говорил, что Адам просто опоздал родиться. Он напоминал ему его деда, настоящего сквайра девятнадцатого века, любителя выпить и устроить бешеные скачки. Тот проиграл в карты значительную часть своих имений и кончил дни жалким подагриком. Пенхаллоу по крайней мере не проигрывал поместья – он их закладывал.

У него были другие привычки, не столь пагубные, но достаточно неприятные для основного наследника, и главной из них являлось пристрастие к хранению огромных сумм денег в потертой жестяной коробке, которую Пенхаллоу прятал в одном из шкафчиков своей допотопной кровати. Он мог накопить там несколько сотен фунтов, а потом щедрой рукой пустить их по ветру. Сунуть кучу мятых купюр кому-то из своих детей, если тому посчастливилось угодить ему, одарить золотыми монетами слуг, послать кого-то из сыновей или старину Рубена за антикварной мебелью, продающейся с молотка, открыть перед викарием заветную коробку и предложить ему любое пожертвование на бедных или ремонт церкви – в общем, воображать себя царем Мидасом, купающимся в золоте. Отец вынуждал Рэймонда привозить ему из банка деньги, угрожая послать туда с чеком Ублюдка Джимми, если сын откажется выполнять приказ.

Сейчас в кармане у Рэймонда как раз был один из таких чеков, врученных ему родителем во время утренней беседы. Их ежедневные встречи редко проходили без трений, но сегодня разразилась настоящая гроза. Рэймонд отправился к отцу после завтрака и застал его в ярости, последними словами поносящим Марту, которая убиралась в спальне. При виде сына в глазах Пенхаллоу вспыхнул злобный огонек, и он немедленно набросился на беднягу. В подобных ситуациях Юджина обычно спасал бойкий язык, а Ингрэм и близнецы моментально выходили из себя и, не стесняясь, орал на папашу, забыв о сыновнем уважении к родителю. Рэймонд же молча стоял у камина, засунув руки в карманы бриджей и насупив брови. Ничто так не злило Пенхаллоу, как это мрачное самообладание и упорное нежелание вступать в перепалку.

– Ты что, оглох? – орал Адам, приподнявшись на кровати. – Надулся как мышь на крупу! Слова доброго от него не услышишь!

– Когда закончишь, взгляни вот на это, – холодно произнес Рэймонд, кивнув в сторону бухгалтерских отчетов, которые он положил на столик рядом с кроватью.

– Надо было сделать из тебя бухгалтера, – ухмыльнулся Пенхаллоу. – Ты был бы счастлив всю жизнь корпеть над цифрами.

Насмешка не произвела эффекта, и Пенхаллоу перешел к общей критике ведения дел в поместье. Вскоре он заявил, что, по словам Ингрэма, из жеребенка по кличке Демон ничего

путного не выйдет. На самом деле Ингрэм ничего подобного не говорил, но этот выпад заставил Рэймонда покраснеть.

– Он – то, что надо, – произнес он.

Пенхаллоу уже забыл, что хотел разозлить сына, и с недоверчивым видом сдвинул брови.

– То, что надо, говоришь? А не рано ли судить? Лопатки у него отцовские?

– Лопатки и предплечья отличные. Круп сильный, колени подвижные, суставы высокие и широкие, – перечислил Рэймонд.

– А спина? Давай выкладывай! Помнится, у его матери...

– Спина короткая, круп длинный.

– Я должен посмотреть на него, – буркнул Пенхаллоу. – Ты его уже вывел?

– Две недели назад.

– Куда поставил?

– В верхний загон.

– А сколько там еще?

– Трое.

– Правильно, – кивнул Пенхаллоу. – Больше четырех однолеток в загон помещать нельзя. Готовишь его на продажу?

– Да.

– Прямо заправский барышник! Откуда что взялось.

Рэймонд молча пожал плечами. Пенхаллоу снова впал в хандру и, решив хоть как-то досадить сыну, сообщил ему о своем намерении вернуть Клэя в Тревеллин.

Это задело Рэймонда, хотя и не вызвало той вспышки гнева, на которую надеялся папаша. Не дать Клэю закончить курс, значит, просто выбросить деньги на ветер. Рэймонда бесило, что отец выкладывает приличную сумму, чтобы воткнуть Клэя в контору, которую тот немедленно бросит, как только Пенхаллоу отдаст концы. И зачем вообще тащить его в Тревеллин? Здесь и так уже предостаточно любимых братцев. И когда в довершение всего Пенхаллоу объявил, что Обри хватит ошиваться в городе и он намерен вернуть его домой, Рэймонд плотно сжал губы и, повернувшись на каблуках, вышел из комнаты.

Когда он явился на конюшню, на лице его было столь мрачное выражение, что мальчишка, шедший по двору с ведрами, припустился во всю прыть, чтобы не попасть под горячую руку. Конюх, чесавший серую в желтых яблоках кобылу, обменялся с напарником многозначительным взглядом.

Рэймонд наблюдал за конюхами. Придаться было не к чему, и он двинулся дальше. Верхние дверцы денников были открыты, и оттуда выглядывали красивые лошадиные головы. Рэймонд погладил свою лошадь для охоты, потрепал по гриве гнедую кобылу, проверил уши у грациозного ирландца, шагнул в стойло, чтобы осмотреть копыта у нервного жеребца, которого лечили от гниения стрелки. Потом к нему присоединился главный конюх, и разговор пошел на узкоспециальные темы. Он все еще выглядел взъерошенным, но злость исчезла, и лицо его просветлело, как всегда бывало, когда Рэймонд попадал к лошадям. Он с удовольствием оглядел конюшню, построенную по его собственному проекту, и подумал, что недавно нанятый конюх сюда отлично вписался. А еще надо посоветовать Барту расковырять серого жеребца, а когда старик Пенхаллоу умрет... Он резко прервал свои размышления и отправился в сарай, где хранилась сбруя. Там один из работников отмывал грязную упряжь, висевшую на двойном крюке, вбитом в потолок. Сегодня утром Барт и Конрад, так же как и он сам, тренировали лошадей, и на длинной железной стойке лежали три седла. В застекленных шкафах, стоявших по стенам, хранились начищенные седла и уздечки с блестящими удилами – все в безупречном порядке. Рэймонд скользнул взглядом по попонам, разложенным для его осмотра, посмотрел на полки с бандажами, кивнул в ответ на просьбу

конюха купить новую сбрую и коровьего масла для смазки и направился в амбары, где хранилось сено и зерно.

Покинув конюшни, он зашагал к ветхому сараю, где стоял его потрепанный автомобиль, и вывел его во двор. По дороге в Бодмин Рэймонд решил заехать на конезавод.

Там он нашел Ингрэма, беседующего с Могэном, старшим конюхом конезавода. Братья обменялись приветствиями, и Ингрэм сообщил:

– Я говорил Могэну, что нам лучше избавиться от Беглянки.

Рэймонд неопределенно хмыкнул.

– Как там папаша? – поинтересовался брат.

– Как всегда.

– Хочешь посмотреть на Демона? Я как раз иду к верхнему загону.

Рэймонд был не прочь посмотреть на жеребенка, с которым у него было связано столько надежд, но делать это в присутствии Ингрэма ему не хотелось.

– У меня нет времени, – ответил он. – Нужно ехать в Бодмин.

– А Уинс показывал тебе его круп?

– Да.

– Чертовски слабый, – заметил Ингрэм, вытягивая искаленную ногу. – Когда будешь в Бодмине, скажи Гвитиану, чтобы прислал мне дюжину светлого пива.

– Ладно. Еще что-нибудь надо?

– Нет. А ты опять в банк?

Рэймонд, помрачнев, кивнул.

– Папаша продолжает прожигать жизнь?

– Может, ты обуздаешь его? Попробуй. Я уже сыт по горло.

Ингрэм рассмеялся:

– Да упаси бог! Оставь его в покое, и он уймется. А ты его только раззадориваешь.

Твоя беда в том, что ты слишком прямолинеен.

Рэймонд сел в машину и завел мотор.

– Отец собирается вернуть домой Клэя, – мрачно произнес он.

– Черт!

– И Обри тоже, – добавил Рэймонд, переключая передачу.

– Проклятие!

– Вот теперь и посмейся! – злорадно посоветовал ему Рэймонд и уехал.

До Бодмина было недалеко, и вскоре он уже выходил из банка. На улице Рэймонд столкнулся со своей теткой Делией – окутанная облаком шарфиков, ленточек и вуалей, она несла из магазина тяжело нагруженную сумку.

Все, кто знал Делию Оттери с детства, утверждали, что она была прелестна, но терялась в тени своей сестры Рейчел. Племянники, лишённые возможности видеть ее в ту пору, были вынуждены верить им на слово. Они же помнили ее неопрятной увядшей старой девой с преждевременно поседевшими тусклыми волосами, уныло свисавшими до плеч. Девическая стройность очень быстро сменилась старческой костлявостью, ее лишь подчеркивали яркие цвета, оборки и свободный покрой, к которым она сохранила пристрастие с молодости. Сейчас Делия была в пестрой соломенной шляпке с полями, чуть обвисшими под тяжестью огромной оранжево-розовой розы. С этого сооружения спускалась вуалетка, цеплявшаяся за бахромчатый шарфик, небрежно обмотанный вокруг шеи. Из-под длинного коричневого пальто сверкал подол пронзительно-голубого платья. Поскольку погода была прохладной и совсем не летней, как то предполагала соломенная шляпка, Делия утеплита наряд, надев боа из перьев, которые были столь модны в начале века. Натура она была робкая и застенчивая, так что понять, какие чувства обрушились на нее при виде племянника, было сложно.

– О, Рэймонд! Какой сюрприз! – ахнула она, уронив сумку.

Всегда подтянутого и аккуратного Рэймонда очень раздражал нелепый вид его тетки. Ничуть не обрадовавшись встрече, он коротко бросил, поднимая ее сумку:

– Привет, тетя Делия!

Она продолжала стоять, щурясь и глуповато улыбаясь.

– Вот уж сюрприз так сюрприз, – произнесла Делия.

Поскольку Рэймонд приезжал в Бодмин не реже двух раз в неделю, а мисс Оттери ходила в магазин каждое утро, в их встрече не было ничего удивительного. Но молодые Пенхаллоу уже давно считали ее слегка помешанной, поэтому Рэймонд пояснил:

– Я приехал по делам. Как ваши дела? Как дядюшка Финис?

– Спасибо, чудесно. А как ты, дорогой?

– Отлично, – с улыбкой ответил Рэймонд.

– Ну и молодец! А как там милая Фейт? Мы уже сто лет с ней не виделись. В наши дни всем почему-то ужасно некогда!

– С ней тоже все в порядке.

Они стояли и смотрели друг на друга – мисс Оттери робко улыбалась, а Рэймонд лихо радочно соображал, как бы поскорее отделаться от нее.

– Я рада тебя видеть! Выглядишь просто замечательно! – снова зашебетала Делия. – На днях я говорила Финису – да, это было во вторник, потому что я встретила в городе Майру и подумала, что у вас, молодых, свои дела, вы всегда заняты, особенно ты, Рэймонд, дорогой, – ну так вот, я сказала Финису, что мы не виделись с вами целую вечность. А вот мы и встретились!

– Да, – кивнул он и, не видя иной возможности отделаться от нее, предложил: – Может, подвезти вас до дома?

– Как это мило с твоей стороны! Ты ведь на машине? Я как раз собиралась зайти в лавку и купить зернышек для птичек, а потом хотела сесть на автобус, но если ты меня немного подождешь... Я тебя не задержу, ведь у тебя полно дел.

– Автомобиль стоит вон там. – Рэймонд указал в сторону своего транспортного средства. – Я подожду вас.

– Я только минуточку! – пообещала Делия. – Заскочу в лавку и сразу назад. Ты ведь помнишь моих птичек? Такие цыпочки!

Рэймонд мрачно кивнул. Еще бы он не помнил! Не прошло и трех недель с тех пор, как он в последний раз гостил в сером домике на окраине города, где Делия жила с братом. Все пространство гостиной, которое оставалось незанятым застекленными шкапами, где Финис хранил свою коллекцию фарфора, было заставлено и завешано золочеными клетками с щебечущими канарейками и волнистыми попугайчиками, и от них в комнате стоял невыносимый шум.

Через пятнадцать минут мисс Оттери плюхнулась на сиденье рядом с племянником, поставив корзинку с продуктами себе под ноги. Опоздание объяснила необходимостью проконсультироваться с лавочником насчет Дики, любимого кенара, который уже несколько дней недомогал.

– Милый человек! Всегда интересуется моими птичками. Конечно, мы давно друг друга знаем и поэтому у него ко мне особое отношение. Но ты ведь больше интересуешься лошадьми? Вполне естественно для молодого мужчины. И как там твои лошадки?

Рэймонд не был уверен, что на вопрос надо отвечать, однако сообщил, что выпустил пастись парочку однолеток.

– Чудесно! – воскликнула Делия. – Я всегда жалела, что мы забросили нашу конюшню. Разумеется, я не могла равняться с дорогой Рейчел, она была прекрасной наездницей, но я всегда любила лошадей, правда, только не очень норовистых. А Рейчел скакала на любой

лошади – видел бы ты! Мой дорогой папочка – твой дедушка, Рэймонд, но только ты вряд ли его помнишь, поскольку он умер до твоего рождения, – сажал меня на таких смиренных славных лошадок, что прогуливаться верхом было одно удовольствие. Я никогда не ездила на охоту. Мне это было не по душе, хотя я ничего не имею против охотников, потому что не могут же все думать одинаково, слишком скучно тогда было бы жить. Я любила сама управлять маленькой повозкой. Помнишь моего толстого пони Питера?

Рэймонд прекрасно помнил толстяка. Мисс Оттери просияла от счастья и принялась перечислять все случаи, когда это достойное животное проявляло свои выдающиеся способности. Истошив эту благодатную тему, она задумчиво произнесла, что хотела бы посмотреть на жеребят Рэймонда, поскольку любит любых детенышей, даже котят, хотя из тех вырастают ужасные существа, которые безжалостно душат бедных птичек и мышек.

– Ну что ж, приезжайте как-нибудь, я покажу вам конюшни, – сказал Рэймонд, зная, что тетка не примет приглашения из страха перед стариком Пенхаллоу.

Его предложение повергло Делию в смятение, и она стала, запинаясь, придумывать отговорки, пока машина не подъехала к домику, носящему пышное название «Азалия».

Отказавшись от настойчивого приглашения зайти и повидаться с дядей, Рэймонд, перегнувшись через тетку, открыл дверцу с ее стороны. Когда она вылезла из машины и забрала из рук Рэймонда свою сумку, из дома вышел Финис, он увидел из окна гостиной, как подъехала машина.

Простая вежливость не позволила Рэймонду сразу сорваться с места, хотя именно этого ему хотелось больше всего, и он обменялся с дядей рукопожатием. Однако из автомобиля он не вышел и задержал в своей ладони мягкую белую руку Финиса не дольше, чем требовали приличия.

– А я думаю, кто привез Делию домой. Очень любезно с твоей стороны! Как поживаешь, мой мальчик? Можешь не отвечать – ты в отличной форме. Заходи к нам, выпьем чего-нибудь прохладительного. Нет-нет, я настаиваю!

– Спасибо, дядюшка, но у меня нет времени. Рад видеть вас в добром здравии.

Финис откинул назад седую прядь, упавшую ему на лоб. Ухоженная рука была украшена агатовым перстнем.

– Пока держусь, хоть и немолод. А как твой батюшка?

Рэймонд знал, что Финис терпеть не может его отца, и это притворное участие заставило его нахмуриться.

– Как всегда, – бросил он.

– Какой характер! Выдающаяся личность, что и говорить!

– Почему бы вам не проведать его как-нибудь? – ехидно предложил Рэймонд. – Он будет рад вас видеть!

– Да, как-нибудь на днях... – неопределенно пообещал Финис.

Усмехнувшись, Рэймонд повернулся к тетке. Робко положив ему руку на плечо, она попыталась поцеловать его. Он не стал уворачиваться и сам чмокнул ее в морщинистую щеку. Кивнув дяде, нажал на газ, а брат и сестра замахали руками ему вслед.

Глава 6

В полном составе домочадцы собрались лишь к чаю, поскольку ни Фейт, ни близнецы к обеду в Тревеллин не вернулись. Но в пять все семейство, кроме старика Пенхаллоу, собралось в Длинной гостиной, больше походившей на галерею. В этой узкой комнате, выходившей окнами на главный фасад, стены были увешаны семейными портретами. Старинная дорогая мебель соседствовала с заурядными стульями и столами; в торце горел небольшой камин, вокруг него сгрудились все диваны и кресла, полностью оголив противоположную половину комнаты. Чай подали на массивном серебряном подносе, который поставили на стол рядом с Кларой. На двух других столах расположились закуски на тарелках из вустера и краун-дерби и несколько серебряных корзиночек с печеньем, лежащим на кружевных салфеточках, связанных Кларой. Из Дауэр-Хауса пришли Ингрэм с женой, и пока Майра, худая дама с острыми чертами лица и настойчивым голосом, услаждала Клару рассказом о своем триумфе над местным мясником, Ингрэм приблизился к камину, громко споря с Конрадом о качествах одного из его жеребцов.

– Он отлично скачет, не в пример тому тихходу, какого ты сдуру купил у старика Салташа.

– Да у него шея овечья, – усмехнулся Ингрэм.

– Ну и что? Какое отношение это имеет к его резвости? – возразил Конрад, кладя в чашку четыре куса сахара. – И препятствия берет отлично, не то что...

– Господи, ну хватит! – перебила Вивьен. – Вы можете говорить о чем-нибудь, кроме лошадей?

Барт, расположившийся в глубоком кресле, на подлокотник которого он поставил тарелку с десертом, произнес:

– Подожди, Вивьен, вот скоро сюда прибудет Клэй, и у тебя появится союзник. Конрад, ты слышал новость? Отец хочет подсунуть Клэя старине Клифу!

– Кто сказал?

– Юджин. Правда, Фейт?

– Я не желаю говорить на эту тему, – холодно ответила она.

– Да брось, Барт! Клиф его не возьмет! – засомневался Конрад, проигнорировав реплику Фейт.

– Если не веришь, спроси отца, – зевнув, произнес Барт и занялся десертом.

– Интересно, как он его заставил? Шантажировал, что ли? Значит, Клэй будет жить здесь? – с испугом предположил Конрад.

– Именно так, – кивнул Барт.

– Только этого не хватало, – вздохнул его брат.

Фейт вспыхнула, но, зная, что Конрад не принимает ее всерьез, не стала возмущаться и сделала вид, будто слушает Майру, болтающую с Кларой.

– Здесь и так уже живет слишком много людей, – проговорила Вивьен, забрав пустую чашку у Юджина и подходя к Кларе за новой порцией чая.

– Спасибо, милая, – тихо проговорил он. – Пожалуйста, поменьше молока, тетя Клара. Ты бы не мог отойти от огня, Ингрэм? Я замерз, а утром у меня возникли симптомы простуды.

– Юджин! Почему ты мне ничего не сказал? – всполошилась Вивьен. – А как сейчас себя чувствуешь? Я заметила, что ты неважно выглядишь, но решила, что ты просто не выспался. Ингрэм, сядь, пожалуйста. Ты закрываешь Юджину тепло!

– Черт бы побрал твоего Юджина с его простудами, – усмехнулся Ингрэм, садясь в кресло рядом с Бартом и вытягивая покалеченную ногу. – Давай сюда десерт, поросенок!

– Юджин, ты же сидишь на сквозняке! – заволновалась Вивьен.

– Да, дорогая, ты права. Но в комнате повсюду сквозняк.

– Сбегайте кто-нибудь и принесите этому неженке теплую шаль, – съязвил Барт. – А может, ему и грелку притащить?

– Нет, дорогой братец, не надо ничего притаскивать, – возразил Юджин, ничуть не задетый этим сарказмом. – Но если кто-нибудь – ты, например – немного сдвинет экран, мне и, возможно, всем остальным будет гораздо уютнее.

– Ну ты и нахал! – выпалил Барт. – Ладно, я согласен!

– Нет, я сама! – вмешалась Вивьен и, поставив чашку, схватилась за каминный экран – массивную четырехстворчатую ширму из эбенового дерева с инкрустацией в виде роскошного павлина.

– Вивьен, не валяй дурака! – воскликнул Барт, поднимаясь с кресла. – Ты же не сдвинешь его с места! Просто парочка вредителей! Куда поставить эту штуку?

– За моим креслом, – распорядился Юджин. – Вот так, отлично. Теперь ты видишь, что я был прав.

– Ты просто ленивая свинья. Заставляешь Вивьен двигать тяжелую мебель и загораживать тебя от сквозняков, – проворчал Барт, возвращаясь в кресло и отбирая у Ингрэма тарелку с десертом.

– Я просто хотел, чтобы ты проявил рыцарство, – улыбнулся Юджин. – С Коном или Ингрэмом этот номер не прошел бы, но у тебя, как я заметил, благородная натура. Могу вознаградить тебя, сообщив новость, которая отвлечет тебя от переживаний по поводу возвращения Клэя. Наш уважаемый родитель решил вернуть Обри в лоно семьи!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.